Текст · 22 декабря 2025, 13:57
Кристофер Чиверс,

Школа. Реконструкция бесланской трагедии в репортаже Кристофера Чиверса

В июне 2006 года в американской версии журнала *Esquire* вышла статья военного репортера Кристофера Чиверса о захвате заложников в бесланской школе №1. Он был в Беслане во время теракта в сентябре 2004 года, возвращался туда много раз, говорил с десятками людей. «Школа» стала классикой мировой журналистики.

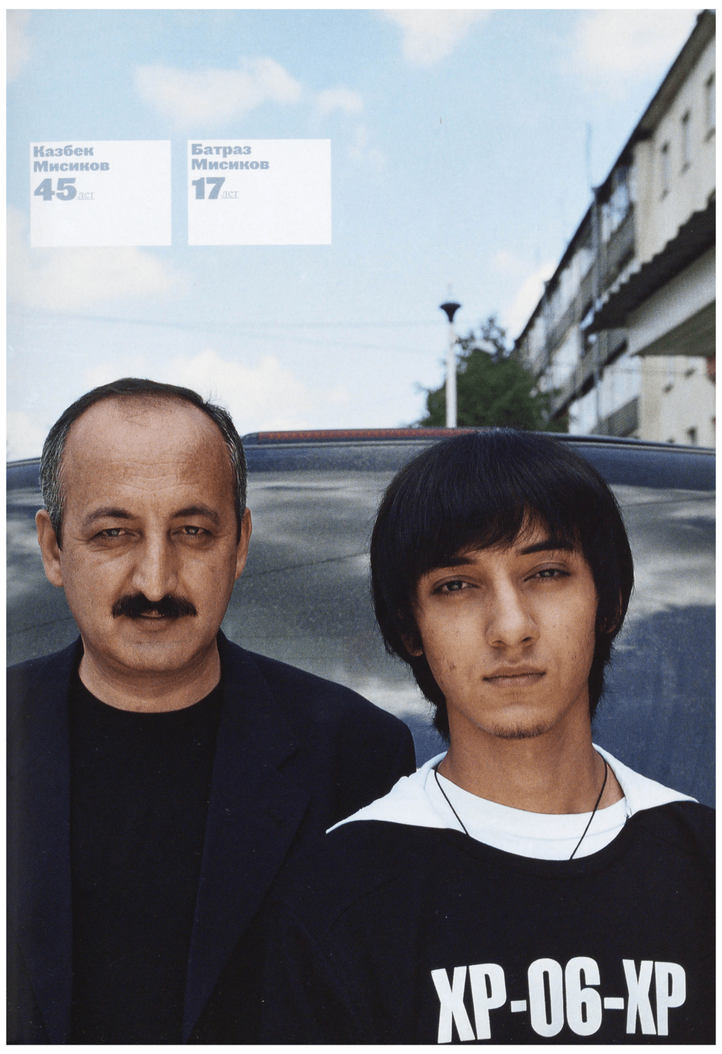
Теперь русский перевод этой статьи в ее первозданном виде и с разрешения автора можно прочитать на «Медиазоне». О том, как и почему так получилось, читайте здесь.

1 сентября

День. Спортзал

Казбек Мисиков смотрел на бомбу, висевшую над его семьей. Это было примитивное устройство: пластмассовое ведро, наполненное пластиковой взрывчаткой, гвоздями и металлическими шариками. Весило оно килограмма три с половиной. Эта бомба стала для Казбека центром его существования. Он знал, что, если она взорвется, смертоносные осколки полетят в головы его жене и двоим сыновьям, ему самому.

За день он хорошо запомнил бомбу и синие проводки, соединявшие ее с системой взрывных устройств, которой террористы опутали помещение несколько часов назад. Затем он обвел глазами толпу заложников. Их было больше тысячи — захваченных утром рядом со зданием школы. Большую часть составляли дети; вместе с родителями и учителями они сидели, скорчившись на полу баскетбольной площадки. За прошедшие часы температура в зале поднялась, их импровизированная тюрьма стала зловонной. Здесь пахло мочой и страхом. Многие дети были раздеты. По их голым спинам стекал пот.

Казбек Мисиков, 45 лет. Батраз Мисиков, 17 лет. Фото: Павел Самохвалов для Esquire, 2006 (здесь и далее возраст героев указан на момент съемки)

Взгляд Казбека остановился на террористах. Большинство из них покинуло зал, чтобы занять оборонительные позиции в основном здании школы. С заложниками оставалось лишь несколько человек в камуфляже или спортивных костюмах. Это были их охранники. На каждом был надет жилет с боеприпасами, на плечах — автомат Калашникова. Некоторые прятали лица под шлемами-масками, но по мере того как становилось жарче, почти все их сняли. Они были молоды. Одни вели себя как бывалые боевики, другие были просто полуграмотными

головорезами, каких много появилось в Чечне и на всем Северном Кавказе за десять лет войны. Среди них были две женщины в поясах шахидок.

Казбек внимательно вглядывался в этих людей, стараясь запомнить их оружие, взрывные устройства, поведение, взаимоотношения друг с другом. В его голове вырисовалась схема их действий — запутанный план, нигде больше не существовавший. Он накладывался на мысленный план школы, в которой Казбек учился в детстве. Эта информация была бы полезной, если бы он сумел ей поделиться. Поэтому Казбек думал о побеге: он надеялся сообщить о расположении взрывчатки и боевиков спецназу, который концентрировался вокруг школы. Он предполагал, что осада кончится штурмом, и знал, что, когда российские солдаты ворвутся в здание, действия их будут сокрушительны и не точны. Он знал это, потому что и сам когда-то был солдатом.

Он обдумывал возможности. Как спасти семью? Бежать? Бездеятельно ждать? Сопротивляться? Рядом с ним были его жена Ирина и их сыновья: пятнадцатилетний Батраз и семилетний Ацамаз. Казбек был высокий мужчина с короткими темными волосами и усами. На скулах Батраза, который пошел ростом в отца, уже пробивался пушок. Казбек заставил его снять рубашку, чтобы стали видны худые мальчишеские плечи. Таким образом он надеялся убедить террористов, что, в отличие от отца, Батраз не опасен. Тогда его не отделят вместе с мужчинами. Ум Казбека был занят мучительными расчетами: он пытался найти оптимальный способ уберечь детей от ужаса, у которого было слишком много вариантов развития и в котором было слишком

много неизвестных. Как поступить лучше? Да, он владеет информацией. Но даже если он сбежит, думал Казбек, террористы могут опознать его жену и детей и убить их. Они уже расстреляли несколько человек, в том числе Руслана Бетрозова, вина которого была только в том, что он говорил. Нет, думал Казбек, бежать нельзя. В то же время он понимал, что если устраивать восстание заложников, то оно должно быть мгновенным и всеобщим.

В спортзале террористов было немного, но, по подсчетам Казбека, еще не менее тридцати ходили по школе. Как безоружная толпа сможет справиться с ними? Тем более что террористы сумели достигнуть подавляющего психологического преимущества еще до того момента, как были повешены бомбы. «Не дергайтесь. Если кто-нибудь окажет сопротивление, расстреляем 10 детей, а его оставим в живых, и пусть с этим живет». Нет, сопротивления не будет. Да и кто его возглавит? Среди заложников погибло слишком много мужчин. Некоторые были казнены. Большинство остальных стояли на коленях в главном коридоре, сцепив руки за головой.

Казбеку повезло. Террористы не заметили его во время последней «селекции». Он избежал расстрела. Теперь его ум работал размеренно и методично. Он не хотел, чтобы хоть кто-нибудь понял его замысел. Медленно, почти незаметно, его рука двигалась по полу к синему проводу. Казбеку было сорок три. В молодости он служил сапером. Он знал, как действуют взрывные устройства, и умел их обезвреживать. Бомба, висевшая наверху, была частью простой системы — разомкнутой электрической цепи, подсоединенной к автомобильному аккумулятору. Если террористы

замкнут цепь, электрический ток пойдет из аккумулятора по проводам и приведет в действие детонаторы. Но если он разорвет провод внутри синей оплетки, ток не пойдет. Даже если цепь будет замкнута, бомба над головами его близких не взорвется. Большую часть дня Казбек сгибал и разгибал провод, чтобы прервать цепь. Это было вопросом времени. Он приподнял провод. Согнул — разогнул, согнул — разогнул, прямо глядя на людей, которые убили бы его, если бы узнали, чем он занят. Он отсоединит бомбу. Это уже шаг. А каждый шаг на счету. Его ум продолжал работать. Как спасти семью?

09:10. Школьный двор

Этим утром в бесланской школе № 1 должен был начаться учебный год, как всегда, с привычного ритуала. Вернувшиеся с каникул ученики всех классов, кроме первого, выстроились буквой «П» рядом со зданием из красного кирпича. Дети были одеты в форму: девочки в темные платья, мальчики — в темные брюки и белые рубашки. Погоду обещали жаркую, поэтому накануне администрация перенесла линейку на час раньше: в девять утра было еще относительно прохладно. Школьники суетились, в руках у них были цветы, коробки конфет, воздушные шары — они ждали ежегодного торжества, во время которого первоклассники пройдут колонной перед остальными учениками.

Залина Левина сидела за трибуной, здороваясь с проходящими мимо родителями, пришедшими на праздник. Беслан — промышленный и сельскохозяйственный город с населением около 35 тысяч человек, расположенный на равнине в

предгорьях Кавказа. Одно из немногих мест в Северной Осетии, где можно найти работу. Но сегодня про работу никто особо не думал. Родители собрались на праздник. Ирина Налдикоева сидела с четырехлетней дочкой Аланой и посматривала на своего семилетнего Казбека в ряду второклассников. У Аиды Арчеговой в торжестве участвовали двое сыновей. Залина нянчила двухлетнюю внучку Амину. Они не собирались никуда идти, но девочка услышала музыку, увидела детей, бегущих к школе. «Бабушка, — сказала она, — пойдем потанцуем!» Залина надела джинсовое платье, и они с внучкой присоединились к толпе. Было уже очень тепло. Сейчас пойдут первоклассники. Учебный год начался.

Террористы появились как из-под земли. Около школы остановился военный грузовик, из кузова посыпались люди, стрелявшие в воздух и кричавшие «Аллах акбар!» Они двигались быстро и уверенно, как будто каждый их шаг был рассчитан и отрепетирован. Несколько боевиков сразу отрезали праздничную линейку от школьных ворот. Сопротивления почти не было. Руслан Фраев, местный житель, пришедший в школу с несколькими родственниками, достал пистолет и начал стрелять. Он был убит.

Казалось, что террористы везде. Залина увидела бегущего человека в маске и с автоматом. Потом еще одного. Затем третьего. За спинами большинства учеников уже были боевики, но один из флангов линейки оказался не захвачен, и, пока Залина в замешательстве оставалась на месте, стоявшие там школьники бросились бежать. Ряды расстроились. В небо полетели десятки воздушных шаров, выпущенных детьми. Порядок сменился хаосом.

Дзеру Кудзаеву, семи лет, выбрали, чтобы она прозвонила в колокольчик, сидя на плечах старшеклассника, то есть дала знак к началу учебного года. Аслан Кудзаев, ее отец, нанял телеоператора футбольного клуба «Алания» Карена Мдинарадзе, чтобы тот снял на видеокамеру этот великий день. На Дзере было синее платье с белым фартуком и два белых банта в волосах. Она сидела на плечах у старшеклассника, когда появились террористы. Оба были быстро схвачены.

Многие из заложников не сразу поняли, что происходит. Аида Арчегова решила, что это отработка антитеррористической операции. Беслан находится примерно в полутора тысячах километров от Москвы, в зоне, дестабилизированной чеченскими войнами. К акциям силовиков привыкли. «Это учения?» — спросила Аида пробегавшего мимо террориста.

Он остановился. «Дура ты, что ли? Это захват школы», — ответил он.

Террористы согнали перепуганную толпу на задний двор, из которого не было выхода. В соседнем здании находилась котельная, в которую в поисках

укрытия Залина забежала вместе с другими. В помещении другого выхода не было. Они оказались в ловушке. Дверь открылась. В проеме стоял мужчина в спортивном костюме. «Выходите, или я начну стрелять», — сказал он.

Залина не шелохнулась. Она решила, что будет взывать к милосердию. С ней была внучка, и Залина надеялась, что с маленьким ребенком ее отпустят. Она застыла на месте, пока в помещении не осталось уже никого, кроме нее и Амины. Террорист уставился на них. «Тебе что, особое приглашение нужно? — спросил он. — Или тебя здесь пристрелить?»

Онемев от страха, Залина вышла и присоединилась к людской массе, которая вела себя покорно, будто выдрессированная. Террористы оттеснили толпу к кирпичной стене школы и начали через дверь загонять людей в здание. Дело шло медленно, мужчины разбили окна и стали передавать детей. Уже тогда казалось, что террористов в школе несколько десятков. Они выстроились вдоль коридора, направляя людей в спортзал.

— Мы из Чечни, — сказал один. — Это захват. Мы хотим добиться вывода войск и освобождения Чечни.

Пока заложники собирались на баскетбольной площадке в зале, туда вошло еще несколько террористов. Один дал очередь в потолок.

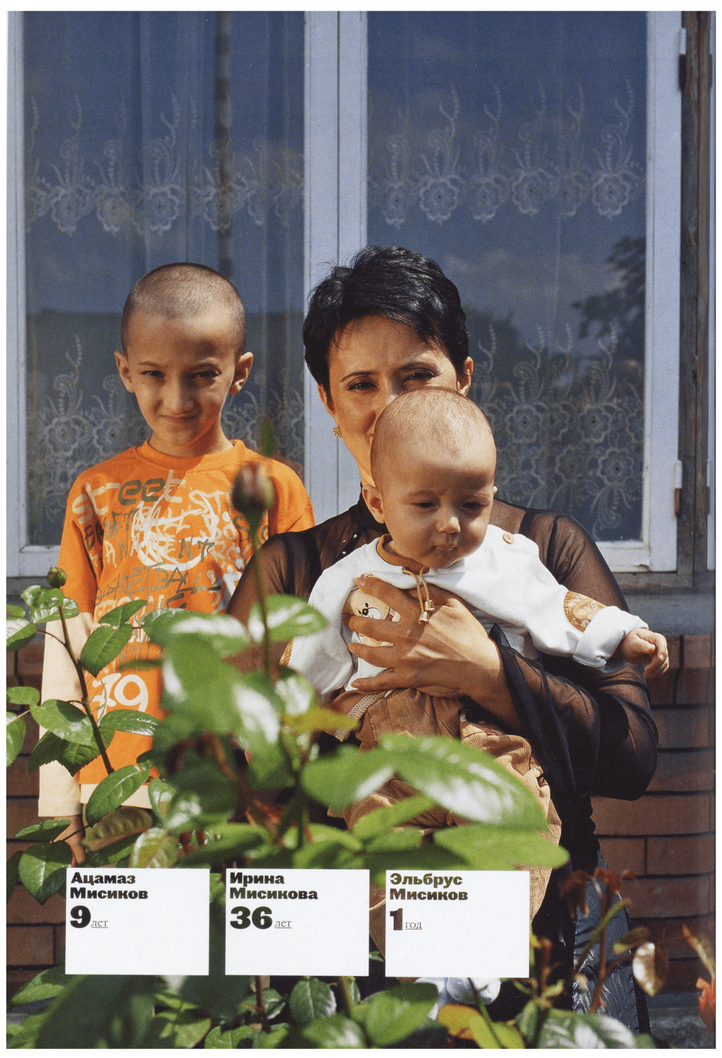
— Всем молчать! — крикнул он. — Вы взяты в заложники. Успокойтесь. Прекратите панику, и никто не пострадает. Мы предъявим свои требования, если они будут выполнены, мы отпустим детей.

Правила были изложены. Никаких разговоров без разрешения. Говорить всем по-русски, а не по-осетински, чтобы террористам все было понятно. Сотовые телефоны, фотоаппараты, видеокамеры — сдать. Каждая попытка сопротивления повлечет массовые казни, в том числе женщин и детей.

Когда террорист закончил, Руслан Бетрозов, приведший в школу двух своих сыновей, встал и перевел его указания на осетинский. Это был степенный мужчина сорока четырех лет, сохранявший самообладание. Террористы дали ему договорить. Когда он замолчал, один из них подошел поближе.

— Ты закончил? — спросил он. — Ты все сказал?

Бетрозов кивнул. Террорист ударил его прикладом. Мужчина упал на колени. Даже дети прекратили плакать. Террорист выстрелил Бетрозову в голову.

Ацамаз Мисиков, 9 лет. Ирина Мисикова, 36 лет. Эльбрус Мисиков, 1 год.
Фото: Павел Самохвалов для Esquire, 2006

9:20. Кабинет завуча

Ирина, жена Казбека Мисикова, сидела у стола, съежившись и обняв сына-первоклассника Ацамаза. Ацамаз был тихий, худой мальчик, одет он был парадно — в черный костюм и белую рубашку. Ирина физически ощущала его страх. Они спрятались среди бумаг и учебников, прислушиваясь к звукам из длинного коридора. Двери где-то открылись, потом захлопнулись. Послышались выстрелы. «Где папа и Батик? — спросил Ацамаз. — Их убили?»

Первоклассники с родителями стояли у главного входа и одними из первых увидели нападавших. Когда началась стрельба, Ирина бросилась в школу и побежала по коридору в своих туфлях на высоких каблуках, таща за руку сына. Она слышала крики и звон разбиваемых стекол. Длинный коридор был тих; их шаги отдавались эхом, когда они бежали мимо спортзала, столовой, туалетов. В конце коридора они бросились вверх по лестнице в актовый зал и спрятались на сцене за бордовым занавесом, где были уже другие матери с детьми. Потолок был украшен шариками. Стены — плакатами. За занавесом была дверь, они толкнули ее и оказались в кабинете, забитом книгами: «Рассказы русских писателей», «Методика обучения», «Литература. 5-й класс». Ирина взглянула на остальных: четверо взрослых, шестеро детей. Они были отрезаны от внешнего мира и могли только гадать, что творится снаружи. Они сидели молча, ожидая, пока их освободят.

Через полчаса дверь толкнули снаружи. Кто-то из детей с надеждой крикнул: «Вы наши?!»

Дверь открылась. На пороге стояли три террориста, из-под масок были видны их бороды. «Не дай нам бог быть "вашими"», — сказал один из них, и всю группу повели в спортзал, подгоняя выстрелами в потолок.

В спортзале их ждало неописуемое. Захвачены были почти все ученики школы, и огромное количество человеческих жизней было стиснуто в тесном пространстве, как в коробке. Воздух был полон детским плачем. Зал был примерно двадцать пять метров в длину и четырнадцать в ширину. В каждой из стен было по четыре окна три на три, с матовым пластиком вместо стекол. Через них струился рассеянный свет. По полу тянулась кровавая полоса — от трупа Бетрозова, когда его уносили. Ирина с Ацамазом кинулась в дальний угол зала, где она увидела своего старшего сына Батраза. Она понимала, что их жизни станут разменной монетой в противостоянии с Кремлем. Вся надежда была на переговоры — или на российские спецслужбы, которые не отличались тактической точностью и бережным отношением к заложникам. В последний раз, когда чеченская группировка захватила сотни заложников — в театральном центре на Дубровке в Москве в 2002 году, — российский спецназ устроил штурм с применением газа на основе фентанила. Погибли по меньшей мере 130 заложников.

По деревянному полу зала бродили две девушки в поясах со взрывчаткой, их лица были закрыты платками. Ирина поежилась. Россия обладает удивительной способностью порождать страшные

социальные явления; одним из них были шахидки — мусульманки-смертницы, которые сеяли ужас во время Второй чеченской войны. В российских новостях их называли «черными вдовами», поскольку считалось, что на путь радикального ислама они встают из-за гибели молодых чеченцев. Заложникам бросилось в глаза противоречие: над черным платком у одной из шахидок виднелись хорошо обрисованные брови, как у девушки-подростка, недавно посетившей косметический салон.

В зал вошли два террориста с рюкзаками и начали доставать из них снаряжение: провода и тросы на деревянных катушках, бомбы разных размеров, включая несколько сделанных из пластиковых бутылок из-под газировки и два прямоугольных заряда размером с портфель каждый. Вооружившись плоскогубцами и кусачками, они принялись за работу: стали собирать компоненты в единую систему. Их план постепенно прояснялся. Маленькие бомбы будут в основном связаны в гирлянды и подвешены над головами людей, более крупные заряды расставлены на полу. Верхние бомбы выполняли две функции: они были источником всеобщего страха, принуждая сидевших под ними заложников к покорности. Кроме того, их расположение на потолке гарантировало, что при взрыве они поразят осколками всех, укрыться от них было невозможно. Буквально каждый человек в зале был бы поражен гвоздями, болтами, гайками и шариками от подшипников, начинявшими бомбы. Подвешивать заряды террористы заставили самых высоких среди заложников, среди них Казбека (190 сантиметров ростом). Систему подвесов разработали со зловещей изобретательностью: между

баскетбольными кольцами были натянуты тросы, а уже к ним на крюках привешены бомбы. Казбек понял, что террористы владели исчерпывающей информацией о школе. Они не только учли в своих планах кольца, но и заранее нарезали тросы и провода на куски необходимой длины — казалось, что все измерено заблаговременно. Бомбы были изготовлены по четкому заказу.

Сперва вся конструкция сильно провисла под собственной тяжестью, и бомбы едва не касались детских голов. «Не трогайте их», — предупредил террорист и велел Казбеку потуже натянуть тросы. Смертельная конструкция поднялась выше, еще выше, и наконец вытянулась почти в струну; достать ее с пола было уже невозможно. Казбек оглядел ее: она напоминала новогоднюю гирлянду, в которой вместо лампочек были бомбы. Вся система была подключена к аккумулятору, а на замыкающем устройстве стоял террорист. Казбек понимал: если тот поднимет ногу, электрическая цепь замкнется. Пойдет ток. Бомбы взорвутся.

День. Главный коридор

Аслан Кудзаев нес стул по длинному синему коридору под надзором охранников. Он торопился выполнить данное ему задание. Вместе с другими мужчинами-заложниками его объединили в рабочую бригаду, которой было приказано забаррикадировать окна классов. Террористы опасались, что российский спецназ пойдет на штурм. Заложники оказались полезной рабочей силой. На Аслане были белые брюки, белая рубашка и белые туфли. Тридцать три года, долговязый, с короткими каштановыми

волосами. Когда он нес стул, один из террористов, с перевязанной рукой, ткнул ему в лицо пистолетом Макарова. Аслан остановился.

— У тебя короткая стрижка, — сказал боевик. — Ты мент.

Аслан отрицательно покачал головой.

— Какой я мент? Я на стройке работаю.

Террорист приказал вывернуть карманы, и Аслан показал ему бумажник, ключи, деньги. Он был хозяином магазина стройматериалов. Никаких признаков, по которым в нем можно было бы опознать милиционера. Террорист приказал продолжать работу.

Когда окна были забаррикадированы, мужчинам велели сесть в коридоре, сцепив руки за головой. Теперь террористов уже можно было отличить друг от друга; заложники начали ближе узнавать своих захватчиков. Среди них были главари и подчиненные, разбитые на группы. Одни специализировались на взрывных устройствах. Другие стерегли заложников в спортзале. Самая большая группа засела в главном корпусе школы: это был отряд, готовившийся отразить штурм федералов. В рюкзаках террористы принесли еду, кофе, сладости, а также спальные мешки, противогазы и аптечки первой помощи. У каждого был автомат и жилет, до отказа набитый боеприпасами. У некоторых ручные гранаты, у нескольких — 40-миллиметровые подствольные гранатометы.

Аслан начинал различать их иерархию. Все подчинялись подвижному мускулистому мужчине с косматой рыжеватой бородой по кличке Полковник. Бритоголовый, в черной шапочке, он уверенно расхаживал по коридору. Он был заряжен энергией и находился в каком-то приподнятом состоянии. Под его началом были командиры среднего звена, в том числе человек славянской внешности, откликавшийся на имя Абдулла; это он наставил пистолет на Аслана. Аслан невольно удивлялся тому, как хорошо обучены и дисциплинированы террористы. Они захватили школу, заминировали ее и превратили в крепость всего за полдня. Он подумал, что этих ублюдков можно считать кем угодно, но только не дураками. Они знали, что делали.

Ему и двум другим заложникам приказали встать и идти в библиотеку; там им дали топоры и другие инструменты и велели отдирать половые доски. Аслан заподозрил, что под полом тайник с оружием, но через проделанную им дыру сам ничего разглядеть не успел — его увели. Оказавшись в коридоре, уставший и скрюченный, Аслан понял, что его жизнь подходит к концу. Он погрузился в раздумья. Медленно он прокручивал в голове все, что сделало его тем, кем он был: брак, рождение двух дочерей, успех в бизнесе. Он жалел, что у него так и не родился сын. У осетина должен быть сын. Время от времени он вздрагивал от выстрелов где-то поблизости, но никак не мог понять, где именно стреляли. Он вернулся к своим размышлениям. Стал думать о том, что скажут на его похоронах.

Амина Дзапарова, 4 года. Залина Левина, 43 года. Фото: Павел Самохвалов для Esquire, 2006

День. Спортзал

Террорист устал от Ларисы Кудзиевой. Она продолжала кричать даже после того, как всем приказали сидеть тихо. Это была худощавая женщина, красивая исконной кавказской красотой, с нежной кожей, черными волосами и карими глазами, темноту которых подчеркивали черные блузка и юбка. Террорист был одним из молодых боевиков, охранявших заложников. Лицо скрыто под маской. Он направился к женщине.

Первые часы в плену Лариса провела рядом с Вадимом Боллоевым, одним из родителей, который был ранен в правое плечо. Он тихо лежал на полу, терпя боль. Белая рубашка была пропитана кровью. Он слабел на глазах.

— За что тебя? — спросила Лариса.

— Отказался встать на колени, — ответил он.

Лариса уговорила его лечь на спину и положила ему под голову свою сумку. Она осмотрела рану. Кость

была раздроблена. Кровотечение не прекращалось. Она попыталась сделать жгут из своего пояса, но наложить его не получалось. На лбу Вадима выступил пот. Его шестилетний сын Сармат, в белой рубашке и черном жилете, сидел рядом и смотрел, как из его отца уходит жизнь.

Лариса в тот день не хотела идти в школу. Ее шестилетний сын Заурбек был первоклассником, но она попросила отвести его свою девятнадцатилетнюю дочь Мадину. В апреле от рака желудка умер муж Ларисы. Она носила траур, и ей было не до праздников. Но когда дети ушли, она увидела толпу, направлявшуюся к школе. «Иди с ними», — сказал ей внутренний голос. Она выбежала на балкон и крикнула: «Подождите меня!»

Теперь она склонилась над истекающим кровью человеком, пытаясь его спасти. Ее дочь была студенткой медицинского колледжа. «Ты же будущий врач, — шепотом сказала Лариса. — Что делать?»

— Спасти его нельзя, — ответила Мадина. — Перебита артерия, которая питает руку. Нужна срочная операция.

Лариса пришла в ярость. Она не даст ему умереть. Через весь зал она крикнула: «Нам нужны вода и бинты!» Ей не ответили. Она крикнула снова. Это было нарушением правил. К ней подошел один из террористов.

— Чего кричишь? Ты тут что, самая смелая или самая умная?

— Мне нужны бинты. У меня раненый.

— Сейчас проверим. Встать! — его голос стал резче.

Боллоев схватил ее за край юбки. «Не ходи», — сказал он. Лариса высвободилась и встала, и террорист прикладом погнал ее в угол, где были свалены в кучу отобранные у заложников и разбитые телефоны и фотоаппараты.

— Ты чего толкаешься? — спросила Лариса.

Он приказал ей встать на колени. Она отказалась. За такое неповиновение Боллоев получил пулю.

— Я сказал, на колени.

— Нет. Не встану.

Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза. Она разглядывала его маску; под глазами были видны веснушки. Все в зале замерли. Заложники уже видели, как убили Бетрозова. Теперь была очередь Ларисы. Террорист стал поднимать автомат — мимо ее груди, лица, довел до лба и упер в него дуло. Лариса чувствовала металлический кружок на коже. Боллоев приподнялся на локте. Дети Ларисы смотрели туда же. Она схватила ствол и отвела его в сторону. «Ты чего здесь спектакль разыгрываешь? Здесь и так женщины и дети напуганы!»

Террорист медлил. Лихорадочно думая, Лариса попыталась убедить его, что осетины — не враги чеченцам (задача нелегкая, учитывая старую вражду между православными осетинами, всегда лояльными к России, и чеченцами и ингушами — мусульманами, издавна подвергавшимися преследованиям). «Между прочим, ваши дети отдыхают в наших санаториях, — говорила она. — А ваши женщины рожают в наших роддомах».

— Это не наши дети и не наши жены, — ответил террорист. — Это кадыровское отродье.

Эти слова как будто ужалили ее. Кадыровы — бывшие повстанцы, которые перешли на сторону России и стали наместниками Кремля в Чечне. Сепаратисты презирали их как предателей. Лариса запнулась. Через зал к ним шел Абдулла.

— Это чего здесь такое? — спросил он.

— Он хочет застрелить меня за то, что я попросила воды и бинтов для раненого, — сказала она.

Абдулла испытующе посмотрел на обоих: на молодого боевика и на женщину, глядевшую на него прямо.

— Для вас здесь ничего нет, — сказал он. — Иди, сядь на место и заткнись.

Лариса показала на его окровавленную руку.

— Но у вас же забинтована, — сказала она. — Дай мне из этого бинта.

— Ты не поняла? Для вас тут ничего нет — ни воды, ни еды. Сядь на место и заткнись.

Лариса вернулась на место. Дети смотрели на нее не отрываясь. Боллоев лежал на спине. Губы его посинели, лоб покрылся потом. Он мог умереть в любую минуту. Лариса была в ярости.

День. Спортзал

Залина Левина никак не могла унять внучку Амину и не знала, что делать. Она сняла с потного ребенка одежду, но это не помогало. Амина плакала. Террористы становились все раздраженней, их угрозы настойчивей. «Заткните своих ублюдков, или я их сам успокою», — сказал один из них. Залина боялась, что ребенка застрелят.

Чечню Залина знала не понаслышке, сама жила в Грозном еще до распада Союза. Она помнила виды гор и тогдашнее спокойствие. В городе была промышленность, университет, нефтяной институт, цирк, футбольный стадион, ряды многоквартирных домов вдоль усаженных деревьями улиц. Но она помнила и его жестокость. Когда власть Москвы ослабела, национализм в Чечне снова набрал силу. Вспомнились старые распри. В начале девяностых, еще до первой войны, группа чеченцев угнала машину у зятя Залины. «Месяц вам на отъезд, — сказал один из них. — Если не уедете, через месяц подожжем дом». Семья уехала за 100 километров, в Беслан, а там, где они жили раньше, вскоре начались боевые действия. Тогда Залина думала, что скрылась от войны.

Амина все плакала, и тревога Залины росла. Казалось, надежды не было. Террористы требовали вывода федеральных войск из Чечни, и заложники прекрасно понимали, что Владимир Путин на такое не пойдет. Успех Путина во многом основывался на его репутации жесткого политика. Он не был из тех, кто идет на уступки, тем более сепаратистам, презрение к которым он никогда не скрывал.

Ожидание продолжалось, заложники страдали от жары. В спортзале людей было слишком много, чтобы свободно двигаться, ноги вытягивали по очереди. Кто-то сидел спина к спине. Время от времени террористы заставляли всех поднимать над головой руки с растопыренными пальцами: «Ну, сделайте зайчика». Когда в зале становилось слишком шумно от детского плача, они поднимали с места заложника и предупреждали: «Заткните их, а то мы будем стрелять!» Но тишина была требованием едва ли выполнимым. Дети не могут долго молчать.

Амина все плакала и плакала. «Надо спасать ребенка», — думала Залина. Она расстегнула платье и сунула ей под нос грудь. Залине было сорок один, и она забыла, когда сама кормила грудью. Но Амина еще очень мала, и любой теплый сосок, даже если в нем нет ни капли молока, покажется знакомым и успокоит. Голая, мокрая от пота девочка взяла грудь и принялась сосать. Дыхание стало размеренным. Тело расслабилось. Она уснула. «Лежи тихо, — думала Залина. — Лежи тихо».

День. Спортзал

Сопротивление Ларисы Кудзиевой запомнилось боевикам, и через несколько часов после того как ее едва не застрелили, она заметила, что на нее смотрит один из террористов. Маски на нем не было. Ростом под метр восемьдесят, с внушительными бицепсами, он вел себя серьезно и педантично, очевидно пользуясь уважением у других боевиков. Его камуфляжные брюки были аккуратно выглажены, черные ботинки — туго зашнурованы, борода — недавно подстрижена, а в глазах не было озлобления, как у других. Ему, должно быть, слегка за тридцать — достаточно для того, чтобы иметь десятилетний опыт боевика. Он был переговорщиком — подолгу говорил по мобильному с российской стороной. Между звонками он смотрел на Ларису.

Гнев ее не утих. Она продолжала ухаживать за Боллоевым, прижимая тряпки к его ране. Одна за другой они намокали от крови. Она свертывалась, становилась липкой и от жары начинала гнить. Лариса не представляла, что человеческая кровь может пахнуть, как мясные отбросы. Она снова крикнула, потребовав медицинскую помощь, воду и бинты, — но ее никто не слушал. Понимая, что умирает, Боллоев попросил позвать дочерей, которые тоже были в спортзале, и Лариса сделала это. В наказание террористы поставили рядом шахидку с пистолетом, приказав стрелять, если та опять поднимет шум. Боллоев продолжал слабеть; он попросил сына, Сармата, по памяти повторить адрес и имена родственников, чтобы мальчик произнес все это своим спасителям, когда они обнаружат его уже одного.

Когда в лице Боллоева появилась смертельная бледность, Абдулла приказал вытащить его из зала. «Куда вы его забираете?» — спросила Лариса.

— В больницу, — ответил тот.

Она знала, что это ложь. Позже, когда в спортзале была уже невыносимая жара, Лариса повела в туалет группу детей. Вернувшись, она села рядом с террористом, который смотрел на нее. Она чувствовала, что между ними установилась связь, и хотела ее использовать.

— Я так поняла, вы здесь единственный человек, кто может правильно объяснить, что происходит, — сказала она.

— Это теракт, захват заложников.

— Я поняла. А что с нами будет?

Он посмотрел на нее — впервые с близкого расстояния. Она уже смыла с себя кровь Боллоева. «Вы останетесь здесь, пока последние федералы не выйдут из Чечни», — сказал он.

— Это дело не одного дня.

— Как только начнутся переговоры, у вас будет все: пища, вода. Все, что нужно.

Он сидел с автоматом и телефоном в руках, боец, вышедший из подполья. Такие как он живут в тени, молятся и появляются, чтобы убивать. В свое время они постоянно светились на телевидении, но потом

исчезли из эфира и ушли в подполье. Теперь жизни заложников были в его руках.

— Как тебя зовут? — спросила Лариса.

— Али, — ответил он. Нетипичное имя для горца.

— Это имя или кличка?

— Я гляжу, ты умная женщина, — сказал он.

— Отвечай на вопрос. У человека должно быть имя. Этим он отличается от животного.

— Это кличка, — сказал он. — Сейчас я Али. Раньше был Байсангур.

— А настоящее имя?

— Оно мне больше не нужно, — сказал он. — Среди живых не осталось никого, кто мог бы звать меня по имени.

Байсангур — легендарный чеченский воин, сражавшийся против России в девятнадцатом веке, — принадлежал к поколению, которое сепаратисты считают героическим. Самый знаменитый из них — имам Шамиль, чье имя перешло к полевому командиру Шамилю Басаеву, одноногому лидеру сепаратистов, изощренному террористу и самому разыскиваемому человеку в России. Басаев планировал захваты заложников и вербовал шахидок; террористы в этом спортзале готовились под его началом. Военная родословная Байсангура была более чистой. Первый Шамиль был схвачен и принял

помилование царя. Байсангур сражался до самой смерти.

Да, когда-то он был Байсангуром, а еще раньше его звали настоящим именем. Но несколько лет назад, сказал Али, когда Россия пыталась подавить их сопротивление, из здешних мест в воздух поднялся военный самолет, который сбросил бомбы на одну из чеченских деревень. В ней не было мужчин. Одна из бомб, сказал он, разорвалась рядом с его женой и пятью детьми. Они погибли. Он посмотрел на Ларису.

— Моя жена была похожа на тебя, — сказал он. — Даже близнецы так не похожи.

Лариса хотела узнать как можно больше, она настаивала. «Как называется твое село?»

— Ну зачем тебе это? — ответил он. — Ты не знаешь, что у нас творят федералы.

30 августа. На рассвете. Чечня

Путь в Грозный лежит через равнину и дальше — под заснеженными и сверкающими вершинами Кавказа. Если не знать историю этих мест, может показаться, что это совершенно райский уголок, совсем как в сказках. Но вот дорога пересекает Терек, и начинают появляться блиндажи и блокпосты. Сначала редко, затем — все чаще. Обгоревшие на южном солнце солдаты-федералы с тревогой выглядывают из них. Чечня — небольшая точка на карте России. Но Кремль одновременно одержим ею и боится ее: республика наводнена солдатами и силовиками, окружена множеством колец защиты, и попасть туда

чужакам очень непросто. Это зона военных действий, и как устроена жизнь внутри в огромной степени остается загадкой.

На подступах к столице республики все предгорья изрыты артиллерийскими траншеями, из которых российские батареи когда-то вели огонь. Город за этими холмами разрушен, он превратился в лабиринт руин и полуразрушенных зданий, в которых приходится ютиться многим из оставшихся в Грозном жителей. В череде военных конфликтов последних десятилетий мало какое место видело столько ужасов и при этом настолько быстро исчезло из общественной памяти. После того, как республика провозгласила независимость в 1991-м, а три года спустя Россия вторглась в ее пределы, чеченцы стали предметом восхищения на Западе. Горный народ, который соединил древние традиции с современной жизнью. Мусульмане, со своим языком, кодексом чести и обычаями гостеприимства. Они сражались за независимость у порога своих домов с колоннами бронетехники. Их символом был волк — но в этой войне они были слабой стороной. Казалось, что эти люди, у которых мало что было кроме автоматов и силы воли, вполне успешно вели стычки с настоящей мировой державой.

Но несмотря на отдельные военные успехи, стремление чеченцев к независимости едва не привело их всех к гибели. В 1996 году Россия и повстанцы заключили соглашение о прекращении огня. Федеральные войска были выведены из республики, и в ней установилось сепаратистское правительство. Чечня получила самоуправление. Но последствия были катастрофическими. Молодая

власть унаследовала огромное количество проблем и была практически лишена доходов и внешней помощи — Кремль бросил республику на произвол судьбы и, казалось, был заинтересован в ее провале. Неопытное, раздираемое внутренними конфликтами правительство было не в состоянии полноценно работать, но при этом демонстрировало приверженность шариату: доходило даже до публичных казней, которые транслировались по местному телевидению. Уровень преступности взлетел до небес, коррупция полностью вышла из-под контроля, а похищения людей ради выкупа стали настолько заурядной практикой, что, казалось, вполне одобрялись властями.

Каким бы ни был изначальный образ чеченского повстанца в массовом сознании, война вывела многих из них на путь бандитизма и организованной преступности. Народ Чечни хотел автономии, чтобы лучше жить. Но национализм породил полевых командиров, и те пошли еще дальше. Некоторые, включая Шамиля Басаева, наладили связи с международными исламистскими движениями, зародившимися в Пакистане и Афганистане. Это привело к тому, что республика оказалась в еще большей изоляции, а на склонах Кавказа появились джихадисты-иностранцы. С благословления Басаева арабский полевой командир, который воевал в Таджикистане и Афганистане и был известен под именем Хаттаб, организовал в горах учебные лагеря. Рекруты прибывали туда из Чечни и других регионов Кавказа, в первую очередь — из соседней Ингушетии, а также из Турции, Центральной Азии и с Аравиийского полуострова. Они учились обращению с оружием, тактике и

изготовлению взрывных устройств. Под властью боевиков автономная Чечня была признана только одним иностранным правительством: афганскими талибами.

С подачи премьер-министра и будущего президента Владимира Путина в 1999 году Россия снова ввела танки в Чечню. И на этот раз она воевала беспощадно. Не заботясь о жизни и имуществе людей, ее военные окружили Грозный и обрушили на него ракеты, артиллерию и авиацию. Чеченскую столицу сравняли с землей. Зачистки и обстрелы уничтожали города и села. Такого не бывало со времен Второй мировой войны; Грозный напоминал Варшаву образца 1944 года. Город пал в начале 2000 года, и Путин, который к тому времени уже стал президентом, объявил о завершении боевых действий. Сформировалась новая политика: Россия размещает в Чечне войска и технику, снабжает республику деньгами, контролирует местную администрацию и обеспечивает ее политической поддержкой. Но власть должна быть передана лояльным к федералам чеченцам. Эта формула была взята из институциональной памяти ослабевшей империи. Установление новой власти в республике сопровождалось рефреном, который терял смысл с каждым повтором в эфире госканалов: войны нет. Мы победили.

Точных данных о потерях в двух чеченских войнах не существует, но все сходятся во мнении, что жерты были колоссальными: от десятков тысяч до двухсот тысяч погибших чеченцев. Но даже если отставить в сторону вопрос о точных цифрах, годы насилия и чудовищных зверств ясно показали, что с точки

зрения государственной политики мало что может быть менее разумным, чем массовые убийства в Чечне, где традиция требует проливать кровь за кровь. Чеченцы живут по адатам — древнему кодексу, который обязывает семьи мстить за убийство своих родственников. К тому моменту, когда Владимир Путин объявил о победе, было пролито достаточно крови, чтобы разжечь ярость, которая не утихнет несколько поколений. И традиционные устремления к мести и независимости смешались в ней с расизмом и воинствующим исламом.

Война, которой не было, продолжалась. Не имея возможности обороняться в Грозном, боевики объединялись в группы, скрывались в горных селах и соседних российских республиках, а также в Грузии, Турции и Азербайджане, где уже существовала большая чеченская диаспора. Радикальный ислам распространялся по Кавказу, и подпольные джамааты появились еще как минимум в шести российских республиках региона. Постепенно все вошло в определенный ритм. Почти каждый день сепаратисты устраивали небольшие атаки или ставили мины, а иногда собирались для более крупных рейдов. Россияне, в свою очередь, пытались уничтожить разрастающееся повстанческое движение и устраивали облавы по селам в поисках молодых людей. Федералов все чаще обвиняли в изнасилованиях, пытках, воровстве и похищениях. Вокруг этого сложилась чудовищная индустрия: вплоть до того, что людям приходилось выкупать тела своих близких, чтобы их похоронить.

Терроризм стал неотъемлемой составляющей борьбы сепаратистов еще до начала Первой чеченской.

Дебютом Басаева был угон самолета в 1991 году, а массовые захваты заложников начались в 1995-м. По мере того, как число жертв войны росло и сепаратисты были вынуждены уходить все глубже в подполье, они все чаще становились террористами, а затем и смертниками. В 2002 году повстанцы взорвали грузовик у Дома правительства Чечни, а через два года подорвали прокремлевского президента республики. За этими атаками стоял хромой саркастичный Басаев. В его диверсионно-террористический отряд «Риядус-Салихийн» входили не только кавказцы, но и иностранцы, в том числе арабы и несколько европейцев.

Националист и нигилист, Шамиль Басаев ясно давал понять, что рассматривает мирных российских граждан в качестве легитимной цели. После того, как больше ста заложников погибли в театральном центре на Дубровке в Москве, Басаев, взявший на себя ответственность за теракт, заявил: Россия получила то, что заслужила. «Оказалось, что это ни в чем не повинные мирные жители, которые пошли в театр отдохнуть, — писал он. — В этой связи невольно задаешься вопросом — а кто же тогда те три с лишним тысячи детей в возрасте до 10 лет, которые погибли за эти три года бесчеловечной кровавой бойни в Чечне? Кто же тогда те свыше четырех тысяч детей, которые стали калеками, без ног, без рук, без глаз, парализованные? Кто те, кто за эти 3 года остались сиротами круглыми? А их свыше 30 тысяч. Кто 3,5 тысяч человек, которые без вести пропали, которые были уведены из своих домов или на улицах задержаны российскими оккупантами, и судьба которых до сих пор не известна? Кто 200 тысяч

убитых женщин, стариков, больных, детей, мужчин? Кто же они были?»

Кровь за кровь. По таким правилам воевал Басаев. И на этот раз он не стал посылать террористов в театр. Он послал их в школу.

Вечер. Расстрельный класс

В начале шестого вечера, когда Аслан Кудзаев сидел в коридоре вместе с другими заложниками-мужчинами, до него долетели обрывки выпуска радионовостей, который слушали террористы. Радио говорило о захвате школы, и Аслан понял, что мир узнал о взятых в заложники детях. Это было первое известие извне с самого начала захвата, и он почувствовал слабую надежду на то, что им помогут.

Через несколько минут появился Полковник. Он приказал Аслану и еще одному заложнику, Альберту Сидакову, следовать за ним. Они пошли по коридору, поднялись на второй этаж и вошли в кабинет литературы. Там на полу в неестественных позах, в лужах крови, лежали восемь трупов. На дальней стене, выщербленной пулями, висел портрет Маяковского. Аслан все понял. В течение дня мужчин небольшими группами уводили из коридора. Те, кто не вернулся, были расстреляны здесь. Пока он и остальные сидели внизу, сцепив пальцы на затылках, террористы решили, что, раз укрепление школы закончено, мужчины-заложники больше не нужны. От них стали избавляться.

— Откройте окно и выбросьте эти трупы, — сказал Полковник.

Аслан и Альберт подняли первое тело на подоконник и столкнули вниз. Пошли за следующим. Значит, вот как Аслан проведет последние минуты жизни. Он знал, что, когда восьмой труп упадет на траву, его и Альберта тоже расстреляют. Время текло быстро. Он оглядел класс. Полковник вышел. Их охранял только один террорист. Аслан понял, что боевики не хотят сами сбрасывать трупы, боясь снайперов. Он и Альберт представляли для них ценность еще пару минут. Они перекинули еще два изрешеченных пулями тела, один из этих двоих, кажется, был еще жив. Аслан наклонился и сделал вид, что его рвет.

Террорист снял магазин с автомата Калашникова и стал перезаряжать его — патрон за патроном. «Давай выпрыгнем из окна», — шепнул Аслан Альберту.

Альберт молчал. «Давай выпрыгнем», — снова шепнул Аслан.

«Как?» — сказал Альберт. Казалось, у него уже не оставалось сил.

Аслан понял, что если прыгать, то это придется делать одному. Автомат охранника был разряжен. Пора. Он наклонился к очередному трупу, а потом резко рванул к окровавленному подоконнику и прыгнул из окна вниз головой. Пролетев пять метров, он упал на четвереньки на кучу тел. В ноге хрустнула кость. Он откатился к стене школы, чтобы в него было труднее стрелять, и пополз в сторону. Он боялся, что террорист бросит гранату. Загремели выстрелы.

В окне появился человек в маске. Стена была больше полуметра толщиной, поэтому, чтобы как следует прицелиться, ему пришлось бы сильно высунуться из окна. Он решил стрелять наугад. Пули впивались в землю рядом с Асланом, выворачивая куски дерна. Он как можно быстрее пополз к углу здания. Перед ним была автомобильная стоянка. Он полз дальше, прячась за машинами. Террорист не видел его, поэтому стрелял по автомобилям вслепую.

Аслан услышал крики. От ближайших домов ему махали руками местные жители, милиционеры и солдаты. Спасение было совсем рядом, но еще ближе была смерть. Милицию предупредили, что, если будет причинен вред хоть одному террористу, в ответ начнут расстреливать заложников. Поэтому огонь никто не открыл. Пули продолжали стучать по машинам. Один из солдат бросил дымовую шашку, чтобы перекрыть террористу обзор. Но дым отнесло ветром в другую сторону. Кто-то бросил еще шашку, потом третью, и между Асланом и его преследователем встало плотное облако. Он изо всех сил побежал на четвереньках и наконец достиг придорожной канавы перед школой. Он закатился в нее и замер, лежа в грязи. Его белый костюм

был покрыт зелеными пятнами от травы и кровью. Аслан был на свободе. Его жена, две дочери и теща по-прежнему оставались в школе.

Вечер. Расстрельный класс и коридор

Карен Мдинарадзе не должен был быть здесь. Он стоял в коридоре на коленях, уткнувшись лицом в оштукатуренную стену, сцепив руки на затылке. Справа от него в таких же позах были выстроены другие заложники-мужчины. Слева от него стоял худой старик. За спиной Карена находилась охранявшая их шахидка.

Сказать, что в этот день Карену не повезло — значит не сказать ничего. Он не был жителем Беслана. Он был всего лишь телеоператором, которого Аслан нанял снять на видео Дзеру, его дочь, в тот момент, когда она станет звонить в колокольчик. Работа эта была не нужна Карену, но Аслан уговаривал, и в конце концов тот сдался. Когда появились террористы, он едва успел навести на девочку объектив камеры.

Пока что он был цел, но страшно мучился от самого банального недомогания. У него была аллергия на пыльцу, а многие дети пришли в школу с цветами и захватили их с собой в спортзал. Карен был окружен аллергенами. Глаза его покраснели, началась одышка. Около трех часов дня один из террористов приказал ему выйти в коридор. Хотя он был сильным мужчиной с телосложением борца, аллергия изнурила его до крайности. С наступлением сумерек на него навалилась страшная усталость.

И тут женщина, стоявшая рядом, взорвалась.

Только что она стояла — одетая в черное, с лицом, закутанным в платок, — и вдруг оглушительный взрыв разнес ее в клочья. Голова и ноги оказались в классе, все остальное — по большей части размазано по стенам коридора. Осколки бомбы полетели в заложников. Охранявший их террорист рухнул на пол. Вторая шахидка упала, из ее носа пошла кровь. Левым боком Карен почувствовал жар, в него полетели осколки. Левый глаз заволокло туманом. Но большая часть заряда попала в старика, стоявшего между Кареном и взорвавшейся шахидкой. Сперва он ничего не понимал, но постепенно пришел в себя и обнаружил, что лежит у стены, отброшенный к ней взрывом. Он подумал, что умирает, и стал ощупывать лицо, голову. Было повреждено веко, осколки застряли в тканях лица и в левой икре. Жар опалил его седоватые волосы, они крошились под пальцами. Кто-то дал ему носовой платок, он вытер лицо, отлепив от него куски штукатурки.

Он огляделся и увидел страшную картину. Худой старик, заслонивший его, дышал прерывисто. Его ноги были повернуты так, будто позвоночник перекрутило в пояснице. Карен понял, что этот человек вот-вот умрет. Раненого террориста уложили на дверь, слетевшую с петель, Абдулла стоял рядом на коленях, нараспев, ритмично читая молитву по-арабски. Кто-то принес шприц. Террористу сделали укол, он затих, и его унесли. Через несколько минут другой террорист сказал раненым: «Идите на второй этаж, там вам окажут медицинскую помощь».

Карен и те, кто мог идти, встали и побрели наверх, в кабинет русской литературы. Там они увидели

сваленные в кучу трупы. Раздался приказ: «Лечь на пол!»

Их жизни оборвались мгновенно. Террорист в маске вышел вперед, крикнул: «Аллах акбар!» и стал поливать их автоматной очередью с пяти метров, поводя дулом из стороны в сторону. Воздух наполнился криками и шлепками пуль, впивавшихся в тела. Люди катались по полу в корчах. Случайные пули били в стену. Наконец все заложники затихли, и террорист отпустил спусковой крючок. Он подвинул к двери стул и сел на него, держа раскаленный ствол наперевес. Прислушался. Один из мужчин стал подниматься. Опять автоматная очередь.

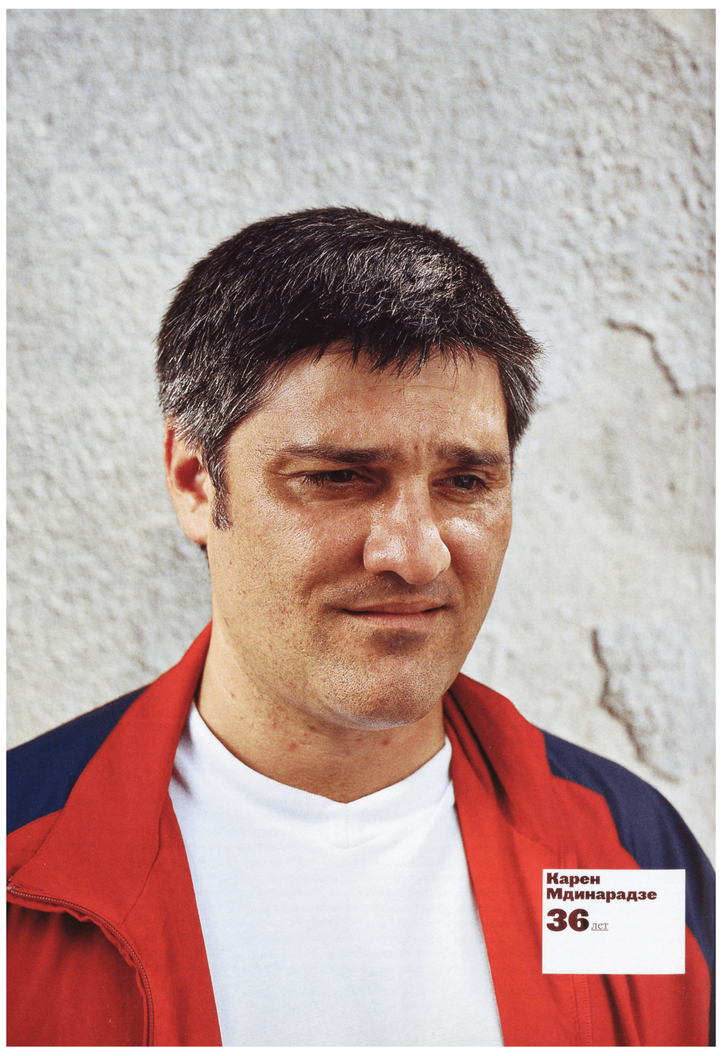
Он подождал еще несколько минут, наблюдая, слушая. В комнате стояла тишина. Был теплый вечер. Террорист приподнялся и вышел.

Ночь. Дворец культуры

За стенами школы местные и федеральные власти пытались принимать меры в ответ на захват заложников. Хотя бесланское Управление внутренних дел было расположено практически по соседству со школой, милиционеры не сумели вовремя организовать помощь женщинам и детям. В течение дня в Беслан прибывали части 58-й российской армии из Владикавказа, к ним присоединились спецподразделения «Альфа» и «Вымпел». Но до сих пор практически единственным результатом их общих действий было создание дурно организованного оцепления, которое имело туманные инструкции и неизвестно кому подчинялось. Непосредственные командиры

так плохо разбирались в боевой тактике, что передний край оцепления оказался в пределах досягаемости для стрелкового оружия террористов, а родственники заложников, напиравшие снаружи, то и дело попадали под обстрел 40-миллиметровых гранатометов, стрелявших из школы. Со снабжением у начальства дело тоже обстояло из рук вон плохо. Никто не додумался подогнать пожарные машины, карет скорой помощи было очень мало. Многие солдаты были в легком снаряжении — без шлемов, без бронежилетов.

Напротив окна, из которого выпрыгнул Аслан Кудзаев, постоянно стояли люди. Но в основном родственники собирались во Дворце культуры — бывшем кинотеатре — утешая друг друга, беспокоясь, не начнется ли штурм. Некоторые оставались безмолвны, некоторые подавлены. Сотни людей постоянно ходили из стороны в сторону. Многих охватило статичное отчаяние — отчаяние тех, чьим близким угрожала смерть, но сами они не способны ничего сделать. Время от времени были слышны выстрелы. Тогда все вздрагивали. Некоторые из женщин начинали выть. Раз в несколько часов кто-нибудь из представителей федеральной и местной власти выходил из здания горадминистрации, шел мимо памятника Ленину во Дворец культуры и говорил с родственниками. Каждый раз их убеждали в том, что делается все возможное. Им неизменно повторяли, что террористы удерживают всего 300 заложников. Это было ложью.

Карен Мдинарадзе, 36 лет. Фото: Павел Самохвалов для Esquire, 2006

Ночь. Расстрельный класс

Карен Мдинарадзе лежал в растекавшейся луже крови. В классе было темно и тихо. Террорист стрелял не целясь, надеясь, что автоматная очередь прошьет насквозь тела, лежавшие кучей. Погибли все, кто был вокруг Карена, но сам он упал за мужчиной, который весил килограммов сто тридцать. Тот был убит, Карен — нет. Он пережил собственный расстрел. После того, как палач вышел из класса, Карен потерял ощущение времени. Он видел стул у двери и открытое окно, ему хотелось прыгнуть в него, но он слышал шаги и боялся пошевелиться.

Через некоторое время террорист вернулся с двумя заложниками и велел им выбросить трупы. Они поднимали тело за телом на подоконник и сталкивали вниз. На траве под окнами росла гора трупов. Когда подошли к Карену, оставалось еще три тела. Он был в замешательстве. Он понимал, что, когда они закончат работу, их расстреляют — как и его, если он подаст признаки жизни. Но если его выкинут из окна, он тоже вряд ли выживет — до земли метров пять. Мужчины склонились над ним.

Он почувствовал, как две руки схватили его за шею, две другие — за щиколотки. В эту секунду он напрягся и встал.

Мужчины вскрикнули. Карен стоял и качался.

Террорист велел ему подойти; глаза в прорезях маски оглядывали его невредимое тело: «Под Аллахом ходишь… Так, сбросьте оставшиеся трупы, и я вам скажу, что делать дальше».

Осталось еще два тела, в том числе мужчины, за которым упал Карен. Он схватился за его ремень, двое других — за ноги и голову, и тело было сброшено.

Вошел еще один террорист; теперь оба с удивлением глядели на Карена. Он понял, что его решили пощадить. Заложникам приказали спуститься вниз, умыться, и затем отвели в спортзал.

Карен сел на пол. На голове были раны и кровоподтеки, левый глаз не видел, одежда промокла от крови. Женщина рядом шепотом спросила: «Вас били прикладом?» Он потерял сознание.

2 сентября

Ночь. Раздевалка

Залина Левина проснулась в полночь. За окном лил дождь. Многие дети спали. Террористы в течение долгих часов не пускали ее в туалет, но теперь в спортзале стало тише, и она решила еще раз попытать счастья. В туалете бомб не было, и она надеялась укрыться там с внучкой. Никто не остановил ее, она

принесла Амину в туалет и села. Ее соседка Фатима Цкаева была уже там, качая под стук дождя свою грудную дочь Алену.

В темноте, шепотом Фатима рассказала, что у террористов появились разногласия. Кажется, шахидок обманули, они не знали, что заложниками будут дети. Одна из них приходила вечером в туалет; у нее были месячные, и выглядела она подавленной. Теперь, сказала Фатима, шахидок больше нет, их убило взрывом несколько часов назад. Она рассказала и о том, что некоторые боевики сочувствовали заложникам. У ее десятилетней дочери Кристины слабое сердце. Когда она упала в обморок, Абдулла поднял девочку и дал ей таблетку валидола. Но все это не слишком занимало Залину, ее мучили мысли о собственной дочери. Что та подумает о ней, потащившей Амину в школу? Им нечего было тут делать. «Я должна спасти ребенка», — думала она.

На нижней стороне одной из парт, сваленных в баррикаду на окне, Залина разглядела засохшую жвачку. Она отлепила ее, скатала и положила в рот. Она жевала медленно, пока резинка размягчалась от слюны. Она почувствовала еле заметный вкус сахара. Это была еда. Залина продолжала перекатывать шарик во рту, чтобы он набрал побольше влаги и стала помягче. Наконец все было готово. Она вынула шарик изо рта и дала его младенцу.

Утро. Спортзал

Полковник стремительно вошел в спортзал. С переговорами, сказал он, ничего не выходит. Москва не реагирует и при этом утверждает, что захвачено

всего 354 заложника. «Ваш президент — трус, не идет на переговоры, — хрипло сказал он. — Даже к телефону боится подойти».

Поэтому, продолжал Полковник, объявляется сухая голодовка. Никакой воды и еды для заложников. В туалет никого не пустят. Русской стороне террористы передали, сказал он, что из солидарности с ними заложники согласны на эти условия.

Позднее утро. Спортзал

Абдулла отвел в сторону Ларису Кудзиеву. Он хотел знать, кто она. Чеченка или представительница другого мусульманского народа Кавказа?

— Паспорт с собой? — спросил он.

— С какой стати мне брать в школу паспорт?

— Ты ингушка?

— Нет.

— Почему ты в черном?

— Как хочу, так и одета, — почти машинально ответила она.

— Как фамилия?

— Кудзиева.

— А девичья?

— Гасиева.

Абдулла изложил свое предложение. Шахидки погибли, но остался один пояс со взрывчаткой. Она, спокойно смотревшая в дуло автомата, подходит для того, чтобы надеть этот пояс. Он спросил, сколько у нее детей, и она ответила: трое.

— Мы выводим твоих троих детей, а если у тебя тут другие близкие, их тоже выведем, — сказал он. — За это ты должна надеть хиджаб и пояс шахидки и стать одной из наших.

— А где же ваши шахидки? — поинтересовалась Лариса.

— Вчера ваши солдаты пытались штурмовать здание, и они погибли, — ответил Абдулла. Это было ложью.

— Знаешь что, я вам все испорчу: я не мусульманка, — сказала Лариса. — А у меня есть время подумать?

— Время у тебя есть, — сказал он. — Иди садись, думай.

Она вернулась к своим детям. Женщины, сидевшие рядом, стали ее расспрашивать. В зале опять становилось жарко. Заложники чувствовали себя все хуже. «Чего они хотели?» — спросила одна из них. Лариса рассказала. «Иди надень, — посоветовала женщина. — Может, и нас отпустят тоже».

Позднее утро. Спортзал

Казбек Мисиков почувствовал, что провод внутри изоляции сломался в его пальцах. Дело было сделано,

но он знал, что искра может проскочить при случайном контакте. Он растянул синий провод в стороны, как резинку, чтобы концы проволоки разошлись как можно дальше.

Но теперь была новая проблема. В месте растяжения изоляция побледнела. Дефект был слишком заметен. Террористы уже несколько раз осматривали провода и бомбы, и если это произойдет еще раз, все будет раскрыто.

Тревога его росла. Они с женой договорились: в случае штурма Ирина будет заботиться о старшем сыне Батразе, а он — о первокласснике Ацамазе. Ацамаз был истощен и обезвожен. Казбек часто заглядывал ему в глаза, и иногда казалось, что мальчик теряет сознание. Он нашел, как поддержать его силы. Другие заложники шепотом рассказали ему, что небольшими порциями можно пить мочу. Казбек собрал ее у соседей. Мальчик сначала не хотел пить, но когда увидел, что другие дети пьют, сделал глоток. «Хочу колу», — сказал Ацамаз.

— Когда выйдем отсюда, куплю тебе ящик, — ответил Казбек.

Но теперь новая опасность была рядом, и он должен был пойти на еще один риск. Когда мимо проходил один из трех террористов-саперов, Казбек вежливо обратился к нему: «Этот провод, что на проходе, — за него все время задевают. Ни вам, ни нам не нужно, чтобы мы все взлетели на воздух».

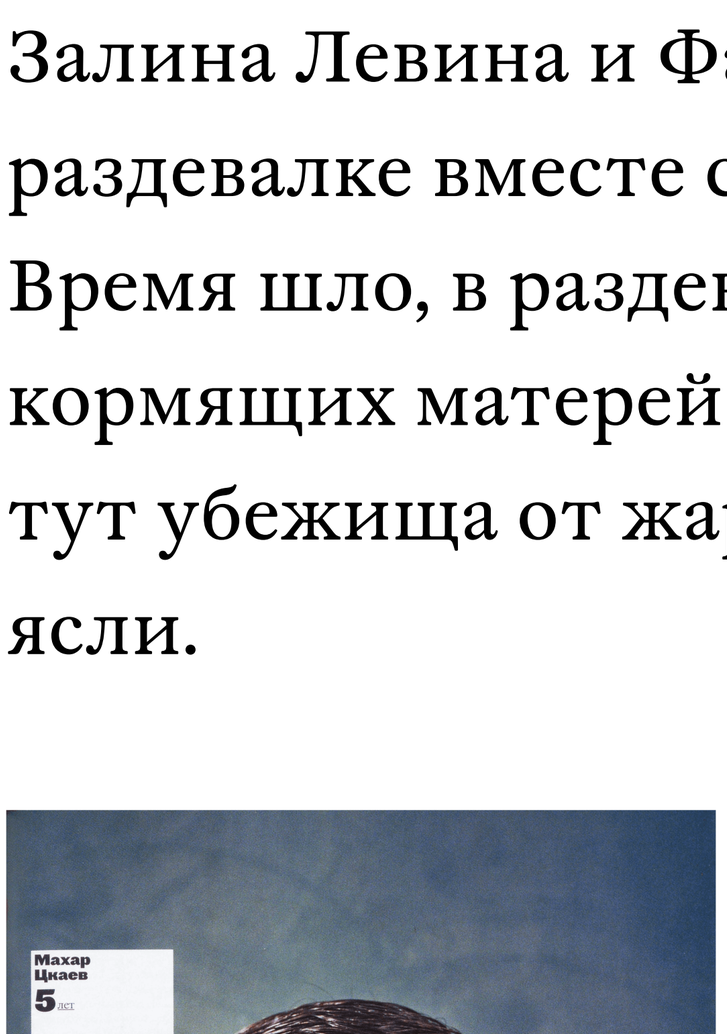
— Что ты предлагаешь? — спросил террорист.

— Был бы гвоздь, можно было бы подвесить провод, — ответил Казбек.

Террорист вернулся с молотком и металлическим дюбелем. Казбек встал и вбил его в стену. Потом поднял провод и несколько раз намотал на дюбель, стараясь скрыть бледно-голубой отрезок. Сверху он надел деревянную катушку и крепко прижал ее. Разорванная часть провода была спрятана. Казбеку повезло. Он сел на место рядом со своей семьей — под бомбой, которая была теперь обезврежена.

День. Раздевалка

Залина Левина и Фатима Цкаева прятались в раздевалке вместе со своими маленькими детьми. Время шло, в раздевалке становилось все больше кормящих матерей с младенцами, которые искали тут убежища от жары. Помещение превратилось в ясли.

Махар Цкаев, 5 лет. Фото: Павел Самохвалов для Esquire, 2006

Проходя мимо, Абдулла решил поддразнить их: «Может, скоро кое-что вам расскажем». Фатима умоляла рассказать прямо сейчас. Тот рассмеялся.

Через два часа он намекнул: «Если ему разрешат войти, может, мы отпустим грудных детей».

В голове Залины завертелись мысли. Кому разрешат войти?

Около трех часов дня мимо дверей прошел новый мужчина. Высокий, хорошо сложенный, с густыми усами, с седеющими волосами, в сером пиджаке.
Его узнали сразу: это был Руслан Аушев, бывший президент Ингушетии, ветеран афганской войны. Аушев пользовался уважением и на родине, и среди сепаратистов, но был смещен Путиным, который заменил его на своего человека из КГБ. Политическая карьера Аушева на этом закончилась. Но там, куда он сейчас пришел, его встретили как самого важного человека в мире.

«Аушев! — подумала Залина. — Нас отпустят!»
В спортзале раздались аплодисменты. Аушев остановился у их двери. Террорист показал в сторону раздевалки: «Здесь женщины с грудными детьми».
Аушев заглянул в раздевалку и сказал женщинам:

— Вы знаете, кто я?

— Конечно, знаем, — ответила одна из матерей.

Он повернулся и вышел. Женщины встали, держа своих детей, дрожа от волнения. Они провели в плену уже более тридцати часов, без еды, почти без воды, без сна. Они пережили стрельбу и взрывы. Их дети больше не вынесут этого. Скоро они могут начать умирать. В дверях появился Абдулла.

— Мы освободим вас, — сказал он. — Вам будут показывать наши фотографии, и если кто-то укажет на нас — а мы это узнаем, — мы расстреляем 50 человек, и это будет на вашей совести. Так, по одному грудному ребенку с женщиной.

Фатима стояла у самой двери. Но она не сдвинулась с места.

— Дайте мне взять всех моих детей! — стала просить она, напомнив Абдулле о двух старших дочерях, о Кристине, у которой слабое сердце. — Вы же сами ее откачали! Отпустите всех нас.

— Нет, — сказал он.

— Отпустите моих детей, а я останусь.

— Нет.

Фатима зарыдала. «Тогда отпустите Кристину с маленькой!»

Абдулла пришел в ярость. «Я сказал тебе нет, сука! Из-за тебя, сука, теперь никого не отпущу».

Он посмотрел на остальных женщин и приказал: «Все обратно в зал!» Залина была в панике. Прижимая к себе внучку, она прошла мимо Абдуллы. Вместо того чтобы идти налево в спортзал, она повернула направо, в сторону главного школьного корпуса. Она приняла решение. «Я ухожу, — думала она. — Пусть стреляют мне в спину».

Другой террорист преградил ей путь. «Стой, куда?» — спросил он.

Она кивнула на Абдуллу: «Он мне разрешил». До большого школьного коридора оставалось несколько метров. Ей показалось, что она прошла целый километр. Залина миновала дверь и увидела Аушева у выхода в конце коридора. Она пошла к нему. Он махнул ей рукой.

Босая Залина шла быстрым шагом. Она прижалась щекой к щеке Амины. Сердце колотилось в груди. Выстрелят или нет? Она не оглядывалась. Коридор был усыпан битым стеклом. Но ее подошвы не чувствовали боли. Вслед за ней двинулись и другие женщины. Вереница матерей с младенцами двигалась к выходу, всего — двадцать шесть человек.

Залина сосредоточила все внимание на двери. Она прошла мимо Аушева, стоявшего рядом с Полковником. «Большое вам спасибо», — сказала она по-чеченски. Выход был забаррикадирован столами, один из террористов отодвинул их и открыл дверь. В коридор ворвались свежий воздух и свет. Залина вышла.

За ней по коридору шла и выла Фатима Цкаева с грудной Аленой на руках. Дальше идти она не могла. Рыдая, она отдала ребенка террористу в черной футболке. В спортзале было еще двое ее детей. Она решила остаться. Террорист понес Алену к Аушеву, отдал ему девочку. Плач Фатимы разносился по коридору.

Залина с Аминой на руках уже бежала через школьный двор, где накануне была торжественная линейка. На асфальте валялись цветы. С крыши ей закричал мужчина: «Там снайперы! Бегите!»

Наконец, женщины подошли к линии оцепления. Их ждал пункт первой помощи, лекарства, еда, вода. Но Залина ничего этого не заметила. Не замедляя шага, она пошла к своему дому, стоявшему внутри оцепления, вошла в подъезд, поднялась по лестнице и остановилась перед дверью своей квартиры. У нее не было ключа. Она постучала. Идти с Аминой в школу было ошибкой. Попасть в заложники тоже было ошибкой. Но террористы приняли ее за кормящую мать. Она вышла на волю благодаря их заблуждению. Они были свободны. Амина была жива. Но у кого же ключ? Она спустилась по лестнице обратно к выходу. Четверо солдат подошли к ней.

«Дайте мне ребенка», — сказал один, протягивая руки. Амина посмотрела на их форму и начала выть. «Не трогайте моего ребенка! — резко крикнула она. — Я никому ее не отдам!»

Вечер. Спортзал

Карен Мдинарадзе то терял сознание, то приходил в себя. Однажды, очнувшись, он увидел над собой женщину, которая обмахивала его. В другой раз рядом были дети — они промывали его рану тряпкой, пропитанной мочой. Девочка-подросток протянула ему пустую пластиковую бутылку и попросила помочиться в нее.

— Отвернись, — сказал Карен, прижал бутылку и стал медленно мочиться. Потом отдал. Девочка и ее подруги поблагодарили его, быстро плеснули на руки и протерли себе лица. Каждая по очереди отпила из горлышка, и бутылка вернулась к Карену. Он был сильно обезвожен, глотка горела. Отпив теплой жидкости, он прополоскал рот, горло. Влага ослабила жжение. Он проглотил ее.

Карен посмотрел на бутылку. Еще немного осталось. Очень пожилая женщина в шарфе знаком попросила у него бутылку. Он передал.

3 сентября

После полуночи. Тренажерный зал

Ирина Налдикоева пробиралась между заложниками, дремавшими на полу. У ее дочери Алины был жар. По соседству со спортзалом находился небольшой тренажерный зал, ставший импровизированным лазаретом. Ирина попросила у террориста разрешения перенести Алину туда. Он кивнул, женщина отнесла сонного ребенка и уложила на прохладный пол. В помещении было человек пятьдесят, в основном дети и пожилые заложники.

Из водопроводной трубы капало; маленький мальчик без всякой просьбы подошел и протянул Алине чашку с водой. Девочка жадно выпила и опять легла на пол. Постепенно ее дыхание стало глубже и размеренней. Она заснула. Ирина вернулась в спортзал, взяла сына и отвела его к сестре.

Через несколько часов, баюкая детей, она задремала сама — впервые с тех пор, как стала заложницей. Во сне к ней явился отец. Он умер несколько месяцев назад, но сейчас она увидела его совсем близко — лицо, седые волосы. Он ничего не говорил. И она молчала. Они просто смотрели друг другу в глаза.

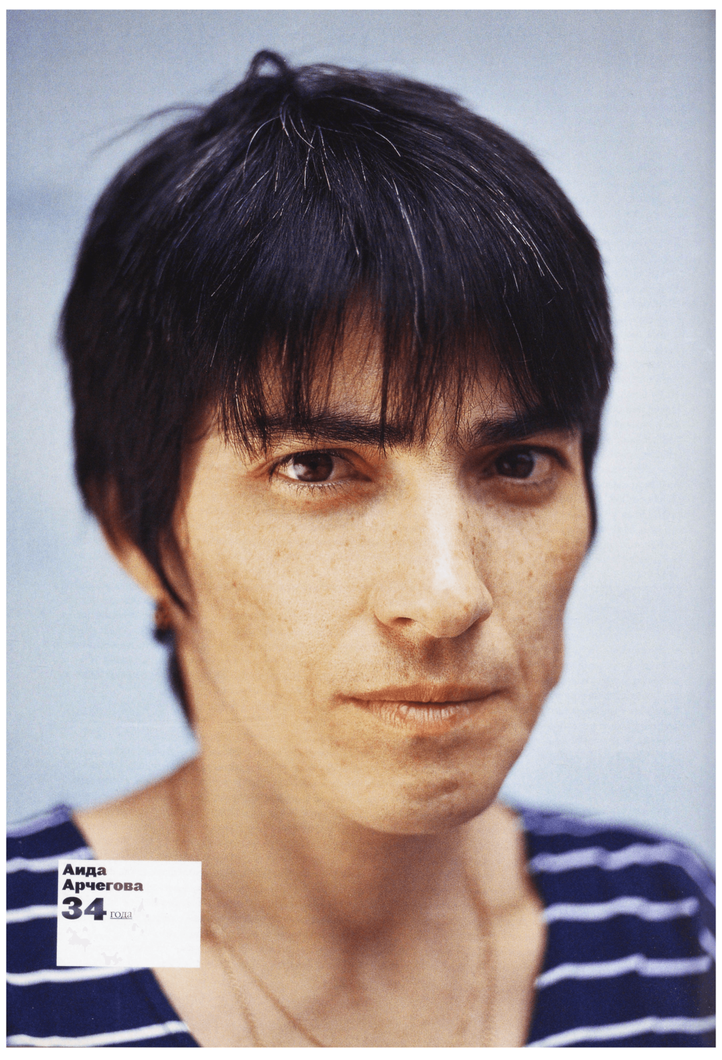
Минут через двадцать она проснулась. Ее отец Тимофей Налдикоев был мягким человеком, тихим и спокойным. Прежде она никогда не видела его во сне. «Что это значит?» — подумала она.

Утро. Спортзал

Прошло сорок восемь часов после захвата. Оставшиеся в живых заложники были близки к отчаянию. Начинался третий день без пищи, второй — без воды. Большинству удавалось поспать лишь урывками; они страдали от обезвоживания, грязи, силы иссякали, они были изнурены страхом. Люди опирались друг на друга, прислонялись к стенам. Террористы тоже выглядели раздраженными и уставшими, они понимали, что их требования игнорируют. Они стали хуже обращаться с заложниками; из тренажерного зала всех выгнали прикладами.

Когда солнце поднялось высоко и воздух в зале опять стал раскаляться, появилось двое террористов-взрывников. В спортзале было установлено по меньшей мере две системы взрывных устройств. Хорошо видна была цепочка подвесных бомб, другая система соединяла между собой заряды — в том числе два очень крупных, — стоявшие на полу. Террористы передвинули их поближе к одной из стен.

Ирина Налдикоева наблюдала за ними, стараясь не потерять бдительность. Она растирала спину сыну и ждала.

Аида Арчегова, 34 года. Фото: Павел Самохвалов для Esquire, 2006

Начало второго. Спортзал

Взрыв был оглушительным, вспышка энергии и жара, сотрясшая зал. Через двадцать две секунды раздался второй взрыв. Их последствия были чудовищны. Пластиковые окна вышибло, в стены впились осколки, пол был усеян трупами и частями тел. В кирпичной стене толщиной более полуметра образовалась двухметровая пробоина; кирпичи и штукатурка полетели на траву во дворе. Часть крыши и балки над дырой вздыбились, с одного угла здание приоткрылось, как раковина, и затем крыша рухнула вниз под собственной тяжестью. Куски потолка полетели на заложников.

В одну секунду погибли десятки людей. Останки лежали грудой около пробоины, были разбросаны по полу зала. Но большинство осталось в живых, хотя сотни получили ранения разной степени тяжести. Сначала почти никто не двигался. Многие были

контужены и потеряли сознание. Других парализовал ужас. Третьи, опасаясь очередного взрыва, припали к полу. Наконец люди зашевелились и начали убегать.

Первоклассница Дзера Кудзаева, которой на празднике было поручено звенеть в колокольчик, находилась рядом с центром взрыва, пробившего стену. Она спала рядом со своей бабушкой, Тиной Дудиевой, тело которой взрывной волной подбросило вверх. Девочка встала на ноги и, увидев сквозь дыру солнечный свет, бросилась наружу, пролезла через пролом, выскочила на газон и побежала. В среду на ней было платье с фартуком, на голове — банты, а сейчас она в одних трусиках бежала по улице, перепачканная грязью и кровью. Она пересекла школьный двор, автостоянку и подбежала к цепи солдат. Она была свободна. Раздались автоматные очереди.

Пролом оказался не единственным выходом из спортзала. Взрывной волной выбило окна, и в зал хлынули воздух и свет. Реакция заложников была инстинктивной. Началось отчаянное и суетливое бегство. От пола до окон было метра полтора, и все, кто не был тяжело ранен, бросились к ним, стали забираться на подоконники и спрыгивать вниз.

Карен Мдинарадзе лежал без сознания на полу, осколки в него не попали. Он очнулся, услышал стоны и увидел вокруг кровавое месиво. На двух девочках рядом с Кареном лежали чьи-то внутренности. Он увидел, что люди прыгают в окна, собрал последние силы, подковылял к окну и перевалился наружу.

Он оказался в школьном дворе в толпе панически бегущих людей. Впереди бежала женщина, таща за руку маленького сына. Над головой свистели пули. Все побежали к углу двора, туда, где зияла дыра в заборе. Бежавшая впереди него женщина упала. Ее сын остановился и, продолжая держать ее за руку, закричал: «Мама!» Карен на ходу нагнулся и сгреб мальчика правой рукой, как баскетбольный мяч. Они миновали дыру и оказались вне линии огня. Рядом был металлический гараж. Карен занес мальчика внутрь. Вскоре туда же вбежала мать. В нее не попали, она просто споткнулась. Она накрыла мальчика всем телом, сотрясаясь от рыданий. Солдаты, милиция, местные жители, пригнувшись, бежали к ним. Карен побрел дальше, видя только одним глазом, весь в крови. Наконец какой-то мужчина обнял его за плечи и повел к машине скорой помощи, которая увезла его.

Первая волна бегства схлынула. Аида Арчегова сидела в спортзале, прислонившись к стене напротив большой бомбы, ее контузило взрывами, потом на нее рухнул кусок потолка. Очнувшись, она увидела своего старшего сына, одиннадцатилетнего Арсена, вылезающего из зала через окно. Она узнала его по синим шортам, которые она столько раз стирала, складывала, гладила. Но она не видела младшего. Она сбросила с себя обломки и оглядела спортзал. Где Сослан? Грохотала стрельба. В дверях стоял террорист и кричал: «Кто еще живой? Если хотите жить, идите сюда!» Он показывал на центр зала.

Перешагивая через мертвых и умирающих, Аида принялась искать Сослана. Среди лежащих на полу его не было. Мальчик лет четырех сказал ей, что ищет брата. Она схватила его за руку, отвела к двери и

велела подождать. К ней подошли еще один мальчик и девочка лет двенадцати, которая сказала, что ее сестра умирает. Пули били в стены, трассеры прошивали воздух, вычерчивая красные линии. «Ложитесь на пол и ждите, — велела Аида. — Вас могут убить».

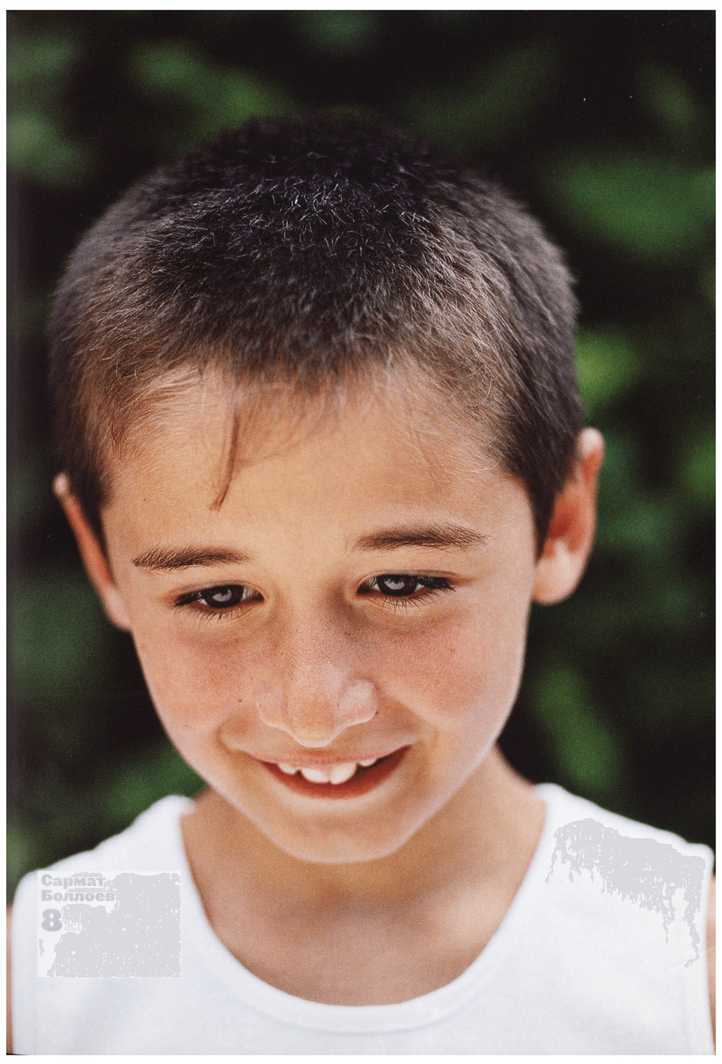
Террористы собрались в коридоре. Оттуда вышел Абдулла и приказал заложникам следовать за ним. Они выстроились колонной, и он повел их в столовую — зал с голубыми стенами, где уже сидело и лежало на полу человек сорок заложников. Террористы прятались за баррикадами у окон, время от времени стреляя. На столе были ведра с водой, печенье, квашеная капуста. Дети взяли миски и стали зачерпывать воду. Некоторые выпили по шесть-семь мисок — так их мучила жажда — а потом стали есть руками.

Абдулла приказал женщинам подойти к окнам: «И поставьте на окна детей». Аида застыла на месте. Пули свистели, они вонзались в кирпичный фасад здания. «Они увидят детей и перестанут стрелять, вы будете в безопасности», — сказал Абдулла.

Во двор выходило шесть больших окон, каждое — со стальной решеткой, так что убежать было невозможно. Аида шагнула к среднему окну, подняла мальчика лет семи и посадила его на подоконник. Сама она встала рядом. В своей красной блузке она представляла собой отличную мишень. Под ногами она чувствовала осколки стекла. Русские части наступали. Абдулла приказал кричать им. Аида нашла кусок занавески, выставила через решетку и стала размахивать им. Других матерей использовали так же. Рядом с Аидой стояла Лора Каркузашвили,

официантка из местного ресторана, исступленно размахивавшая белой тряпкой. Они были живыми щитами.

— Не стреляйте! — кричали женщины. — Не стреляйте!

Сармат Боллоев, 8 лет. Фото: Павел Самохвалов для Esquire, 2006

13:10. Тренажерный зал и спортзал

Ацамаз стоял над отцом, лежавшим без сознания. «Папа! — кричал он. — Папа!»

Казбека Мисикова контузило взрывом. В голове стоял туман, сквозь который он слышал крики сына. Наконец, он вспомнил о своем уговоре с женой. Он должен вывести отсюда Ацамаза. Он открыл глаза. Бомба, висевшая над ними, так и не взорвалась. Она была на прежнем месте. Казбек увидел Ацамаза, потом поискал взглядом Ирину. Она уже ползла к их старшему сыну Батразу, который, скорчившись, неподвижно лежал на полу. Ирина перевернула сына на спину.

— Батик! — истошно закричала она.

От взрыва у Ирины лопнули обе барабанные перепонки, поэтому даже собственный голос звучал для нее приглушенно. «Батик!» — опять крикнула она. Мальчик не двигался. Его левое колено кровоточило. «Батик!»

Батраз пошевелился. Ирина стала тормошить его, стараясь привести в чувство.

Выжившие заложники были в движении. Дети выпрыгивали через окно в стене, используя в качестве ступеньки тело пожилой полной женщины. Один за другим они вставали на труп, превращались в силуэты в оконном проеме и исчезали. Вокруг летали трассирующие пули, и Казбек боялся, что они могут попасть в его родных.

Он прижал к себе Ацамаза и, шатаясь, побрел в тренажерный зал. Опустив мальчика на пол, он обнаружил, что тот измазан чужой кровью. Казбек осмотрел себя. Из левого предплечья был вырван кусок мяса, как будто его вырезали острым совком. Из раны хлестала кровь. Правая рука тоже пострадала.

Казбек ощущал слабость. Ему было ясно, что, если кровотечение не остановить, долго он не протянет. Он сорвал ярко-оранжевую занавеску, сделал из нее бинты и попытался остановить кровь. Голове его тоже досталось, она вся была в ссадинах и ожогах. Перебинтовав руки, он повязал кусок тряпки на голову — получился залихватский тюрбан — и сел на пол. В зале было три окна, все с решетками. Они оказались в ловушке.

Здесь находилось еще около дюжины заложников, в том числе Лариса Кудзиева с детьми и Сармат, маленький сын Вадима Боллоева. В момент первого взрыва Лариса была у входа в тренажерный зал, она стояла рядом с одним из террористов по имени Ибрагим. От взрыва они вместе упали на пол, их ноги переплелись. На лице Ибрагима было написано удивление. После взрыва он откатился от Ларисы и встал.

— Вы нас уже убиваете? — спросила она.

— Нет, это ваши вас убивают, — ответил он.

Ибрагим отсоединил бомбу, висевшую в дверном проеме, и положил ее на пол.

— Следи, чтобы дети не трогали, — сказал он Ларисе и вышел.

Снаряжение террористов было сложено в тренажерном зале. Лариса нашла в их рюкзаках конфеты, изюм, курагу, печенье. Она стала раздавать еду заложникам. Вокруг шел бой, а они уничтожали бандитский провиант. К Ларисе подошел мальчик.

— Где моя мама? — спросил он.

— Я не знаю. Сейчас я тебе за маму, — сказала она. — Сядь и ешь.

Казбек лежал на борцовском мате, стараясь не потерять сознание. Его повязки уже промокли насквозь. За окнами грохотала пальба. Он знал, что российские солдаты приближаются. «Скоро они начнут бросать гранаты в окна, — подумал Казбек, — и только потом спросят, есть ли кто живой в здании». Его жена была рядом. У нее текла кровь из ушей, была сломана ключица. Здание сотрясалось от взрывов, а он проваливался в сон. Он увидел лицо Ирины, ее мягкие щеки и теплые карие глаза. Это было прекрасно.

— Не умирай! — сказала она.

13:25. Спортзал

Ирина Налдикоева не меньше двадцати минут пролежала среди трупов, закрывая собой своего сына Казбека. Рядом, обнимая Алину, лежала племянница Ирины, пятнадцатилетняя Вика Дзуцева. Огонь распространялся по потолку зала. На обоих детях были только трусы, ставшие уже почти черными.

В момент первого взрыва дети спали на полу, и это спасло их. Но осколки от первого взрыва ранили

Ирину в ногу, осколки от второго попали ей в челюсть и шею. У нее кружилась голова, она не знала, что делать. Над школой кружились вертолеты. Она опасалась, что один из них могут подбить, и он рухнет на зал. Она помнила, как из зала уводили заложников, и теперь боялась идти за террористами, но выбора не было. Спортзал был охвачен огнем.

Появился Абдулла, он искал выживших.

— Кто живой, вставайте и идите в столовую, а то вас здесь убьют! — крикнул он. Потом добавил по-осетински: — Быстрее, быстрее!

Они встретились взглядом с Ириной.

— Это к тебе относится!

Ирина взяла за руку Казбека, велела Вике вести Алину, и они пошли. Тела разметало взрывом по широкой дуге вокруг дыры в стене; их было так много, что Ирина и Вика с трудом находили, куда ставить ноги. Несколько раз малышей приходилось поднимать над кровавыми останками.

В центральном коридоре Вика с Алиной упали, но террорист погнал Ирину к столовой. Заглянув туда, она увидела окровавленных заложников и террористов, стрелявших из окон. Ее первым инстинктивным желанием было спрятаться от этого, и она, не останавливаясь, побежала дальше, вверх по лестнице, в актовый зал, где укрылась на сцене за бордовым занавесом. Там уже было человек двадцать заложников. К Ирине подошла девочка, оторвала кусок от своей черной юбки и перевязала ей ногу.

Ирина держала Казбека и ждала. Снаружи пули били в стены школы.

Георгий Гулдаев, 9 лет. Кира Гулдаева, 65 лет. Фото: Павел Самохвалов для Esquire, 2006

Около 14:00. Тренерская

При таком количестве вооруженных террористов в школе № 1 спасателям и спецназу было крайне трудно к ней приблизиться, тем более что военные были застигнуты врасплох. К моменту первого взрыва два танка Т-72 с заглушенными двигателями стояли в одном квартале на восток от школы на улице Коминтерна. Экипажи этих машин были поражены произошедшим не меньше, чем толпившиеся вокруг штатские, и начали спорить, что делать. В пятиэтажном жилом доме, выходившем на школу с северо-востока, дежурило подразделение российских снайперов. Для них взрыв тоже стал полной неожиданностью, и они высыпали на балкон посмотреть, что произошло. Они начали прикрывать огнем заложников, бегущих из спортзала. Отряд спецназа, только что выведенный из оцепления и отправленный на учебный полигон в близлежащую часть, выехал обратно и, вернувшись в Беслан, на

ходу вступил в бой, начавшийся, когда они оставили позиции.

Беспорядок и замешательство царили во всем нестройном оцеплении, состоявшем из осетинских милиционеров, сотрудников ГИБДД, солдат-срочников, местных жителей с ружьями и отрядов спецназа. Одним было приказано наступать, другим — рядом с ними — наоборот, не стрелять. Впрочем, постепенно люди осознали, что это и есть решающий бой, и пошли вперед. Свинцовый дождь обрушился на школьные стены, высекая из них красную пыль. За атакующими следовали санитары с носилками.

Через час солдаты подошли вплотную к спортзалу, их огневая атака уже нанесла террористам ощутимые потери, из многих помещений боевики были вытеснены. Несколько террористов ранено, несколько убито. Спортзал, в котором полыхал потолок, оборонять не имело смысла. Поэтому террористы удерживали в своих руках столовую, на окнах которой стояли решетки.

Для этого им понадобились новые живые щиты, поэтому Ибрагим вернулся в тренажерный зал за теми, кто там скрывался. Это был темноволосый молодой человек, на вид не старше двадцати пяти, в футболке и жилете с боеприпасами. Он вошел в зал и начал кричать, обращаясь к лежавшим на полу заложникам. Среди них был и Казбек в своих оранжевых бинтах; казалось, что жить ему оставалось недолго. Остальные выглядели еще ходячими. «Кто хочет жить, выходите!» — крикнул Ибрагим. Никто не подчинился.

— Выводите людей! — крикнул он. — Горит потолок!

— Ты уходи сам, — ответила Лариса. — Мы останемся.

— Крыша ведь обрушится, — сказал он.

Лариса опасалась, что при неповиновении Ибрагим начнет стрелять. Она повела группу заложников к двери, где к ним присоединился школьный учитель физкультуры Иван Каниди. Ибрагим знаками велел пробираться, пригибаясь у окон, чтобы не получить пулю. Сверху шел жар, падали куски горящего потолка. Дочь Ларисы Мадина вела за руки троих детей, но один мальчик вырвал руку и отбежал, чтобы спрятаться среди трупов.

Ибрагим подгонял их, по пути поднимая с пола всех живых заложников. В дальнем конце зала он завел их в тренерскую, где выглянул из окна, чтобы понять, насколько продвинулось наступление россиян. В тот момент, когда он отвернулся, на него бросился Иван Каниди.

Учителю физкультуры было семьдесят четыре, но он всю жизнь занимался спортом и был очень силен. Каниди схватил автомат Ибрагима. Ствол оружия угрожающе мотался из стороны в сторону.

— Отпусти автомат! — крикнул Каниди.

— Отцепись, старик! Убью! — хрипло ответил Ибрагим.

Они дрались за автомат, кружась по кабинету, заваленному баскетбольными мячами и спортивным инвентарем. Пожилой учитель не утратил ловкости, он был широк в плечах, но строен, с аккуратно подстриженными усами. Казалось, борьба продолжалась целую минуту, Каниди навзничь упал с автоматом, но не успел направить его на террориста — тот вытащил пистолет и выстрелил старику в грудь. Он рухнул на пол. Ибрагим вырвал оружие из рук убитого и обернулся к заложникам. «Все выходите отсюда!» — приказал он.

Они пошли к столовой. Пожилая Кира Гулдаева, которую Ибрагим поднял с пола в спортзале, что-то заподозрила и, когда Ибрагим отвернулся, затащила своего шестилетнего внука Георгия в одну из классных комнат. Лариса и Мадина остались во власти Ибрагима, который привел их в столовую.

То, что они увидели, было ужасно. Каждый этап трагедии — сначала захват сотен детей и взрослых, потом их неволя, в ужасных условиях, среди бомб; расстрелы их отцов и учителей в кабинете литературы; взрывы, растерзавшие десятки людей, — был погружением все глубже в пучину жестокости,

насилия, парализующего страха. Столовая была крайним пределом. Женщины стояли у окон, истошно крича и размахивая белыми тряпками. Пули стучали по стенам. В воздухе висели пыль и дым. Пол был покрыт осколками стекла вперемешку с кровью. В зале воняло порохом, протухшей пищей, потом. Бородатые террористы перебегали в дымке, стреляя и выкрикивая команды. Лариса оценивала ситуацию, сжимая руку своего сына Заурбека. Мадина держала двух детей, приведенных ею из тренажерного зала. Она даже не знала, как их зовут. Наконец, все четверо забежали за угол около посудомоечной комнаты, где уже теснилось не менее двадцати заложников. Две девочки пытались забраться в огромную суповую кастрюлю. Мертвые женщины и дети лежали на кухонном кафеле. Семья Ларисы Кудзиевой заняла место на полу.

Начало третьего. Тренажерный зал

Казбек Мисиков пытался прийти в себя. Он терял сознание от потери крови, но Ацамаз приводил его в чувство, брызгая водой в лицо. Казбек знал, что ему надо найти в себе силы. В тренажерном зале находилось чуть больше десяти человек, но из них лишь трое взрослых, и Казбек среди них был единственным мужчиной. Из спортзала шел жар и оранжевое сияние от пламени. Снаружи гремел бой. Заложники оказались практически на линии фронта, забытые всеми, но живые.

Через зарешеченные окна выбраться было невозможно. Ирина нашла кусок бумаги, написала на нем красной губной помадой: «ДЕТИ» и выставила в оконном проеме — чтобы в них не стреляли. Казбек

тоже подполз туда и закричал в разбитое окно: «Здесь дети! Не стреляйте!»

На нем был окровавленный тюрбан, и он подумал, что его могут принять за араба. Выглянув в узкий проход между домами, он вдруг увидел районного прокурора, который, обернувшись, тоже заметил Казбека. Оба были поражены.

«Алан!» — вскрикнул Казбек. Прокурор бросился к окну: «Что нам делать?»

С ним был вооруженный человек, и Казбек попросил его направить ружье на входную дверь в тренажерный зал, на случай, если вернется кто-то из террористов. Сил у Казбека было мало, но он сумел поднять с пола гриф от штанги и просунуть его между прутьями решетки. Мужчины с той стороны использовали его как рычаг и высадили раму. Путь к побегу был открыт. Ирина начала передавать детей — сначала самых маленьких, потом взрослые помогли выбраться сильно обожженной девочке-подростку. Когда все дети были снаружи, за ними последовали взрослые.

Мисиковы вышли из-за школы. Мимо них промчались солдаты, которые спешили пробраться в школу через пробитую ими дыру. На крыше спортзала разгорался пожар. Дым поднимался над кварталом. Казбек шатаясь подошел к носилкам, лег на них и потерял сознание.

Выстроившись в цепочку, спасатели передавали детей из рук в руки. Вместе с другими передавали и Ацамаза — пока он не оказался в объятиях своего дяди Славика, чье лицо он узнал в царящем вокруг хаосе. Славик

обнял его. Ацамаз понял, что его спасли. Он прижался к дяде. «Папа обещал мне колу», — сказал он.

Третий час дня. Столовая

Не прошло и пятнадцати минут с тех пор, как Ирина Налдикоева с сыном спрятались в актовом зале, а террористы уже нашли их и погнали вниз, в столовую, где им открылась страшная картина. Зал был набит заложниками — полуголыми, грязными, израненными осколками от взрывов и пулями, обожженными, обезвоженными. Ирина нашла свою племянницу Вику, та сидела под окном, ее длинные волосы слиплись от пота.

— Где Алана? — спросила Ирина.

— Вот она, — ответила Вика, указав на ребенка, сидевшего в толпе других детей.

В столовую с улицы влетали пули. Ирина сгребла своих детей и поползла с ними по залу. У большого холодильника она, тяжело дыша, остановилась. Один из террористов протянул ей ведро с водой и чашки, и она дала попить каждому ребенку. Они жадно глотали влагу. Наконец подошла очередь самой Ирины, она поднесла чашку ко рту, набрала воды и уже собиралась проглотить ее, но вода вместо этого вылилась на ее блузку. Ирина не поняла, что произошло, прикоснулась к подбородку и обнаружила сквозное осколочное ранение. Снизу на челюсти зияла дыра, из которой на грудь текла вода, смешанная с кровью. Ирина отставила чашку в сторону.

Вокруг нее было не меньше шести убитых детей, и она понимала, что это место опасно. Таща за собой своих детей, она поползла в посудомоечную, запихнула их под раковины и сама легла рядом, заслонив их своим телом. Пули все свистели; некоторые из них рикошетили от оконных рам и прутьев решетки, изменяя траекторию. Одна из пуль попала в раковину над сыном Ирины.

На полу без движения лежал террорист, открыв рот с золотыми зубами. Его голова была забинтована. В шкафах вдоль стен, среди кастрюль и сковородок, прятались маленькие дети. Террорист встал и, шатаясь, вернулся в бой. В окне с другой стороны от двери стояла Лора Каркузашвили, справа от нее — Аида Арчегова. Между ними то и дело просовывался Абдулла, стрелял и приседал снова. В углу через решетку вел огонь Ибрагим, его руки были окровавлены. Снаружи им отвечали градом пуль. Лора, раненная в грудь, упала и больше не двигалась. Аида продолжала стоять, крича и размахивая белой тряпкой. Рядом с ней в окне сидел мальчик.

— Не стреляйте! — кричала Аида.

Она простояла в окне не меньше двадцати минут. Каким-то чудом пули миновали и ее, и ребенка. Она не знала его имени. За все время он произнес только одну фразу: «Тетя, я не хочу умирать». Много раз, улучив момент, она спускала мальчика на пол, но Абдулла неизменно приказывал посадить его обратно. Когда Абдулла в очередной раз отвернулся, Аида стащила мальчика с подоконника и посадила под стол. Она опять встала в окне, но вдруг почувствовала, как что-то сильно ударило ее в

левую часть лица, от чего голова резко дернулась в сторону. Пуля снесла ей часть нижней челюсти. Она была тяжело ранена. Аида посмотрела на Абдуллу, прятавшегося за ней.

— Можно мне сесть? — спросила она. — Мне плохо.

— Меня не волнует, хорошо тебе или плохо, — сказал он. — Стой, если хочешь жить, и кричи: «Не стреляйте!»

У нее кружилась голова. Прогремел взрыв. Аида упала.

Столовая была полна убитых, раненых, съежившихся от страха людей. Снаружи послышался громкий скрежет. Над школьным забором появилась башня танка Т-72. Его пушка выплюнула пламя, затем грохнуло. Весь фасад школы содрогнулся, с потолка посыпалась пыль. Снаряд попал в одно из школьных помещений.

День. Спортзал

Террористы оставили спортзал, вытесненные оттуда пламенем пожара, огнем снайперов, штурмующими солдатами. Зал, в котором они держали более 1100 человек, который увешали и уставили бомбами, больше им не принадлежал. Огонь пожирал потолок и крышу. Под пылающим потолком, на полу, лежали вповалку, в неестественных позах, убитые и тяжело раненные, полуодетые, некоторые почти голые. Жар иссушал воздух.

Долгое время почти все оставались неподвижны, пока не пошевелилась Марина Канукова,

учительница начальных классов, которая вместе с девочкой-третьеклассницей притворились мертвыми. Жар стал уже невыносимым, к тому же она услышала голос солдата, который призывал всех выживших спасаться отсюда ползком. Но на полу было слишком много трупов, чтобы ползти по нему, и поэтому Марина взяла девочку за руку, и обе, пригнувшись, стали перешагивать через мертвых. Над их головами ревело пламя. Наконец они добрались до тренажерного зала, где их встретили солдаты и местные мужчины, переправившие их через окно на улицу. Позади оставались убитые и раненые, на которых уже сыпались угли и целые куски горящей крыши. Воздух наполнился запахом горящего пластика и паленого мяса.

Сопровождаемый бойцами спецназа, к западной стене спортзала подъехал БТР-80. Восьмиколесная бронемашина, ведя непрерывный огонь из 14,5-миллиметрового пулемета в орудийной башне, подкатила к двери, через которую два дня назад загоняли заложников. БТР протаранил стену.

Солдаты и местные жители пробрались в раздевалку и освободили группу кричащих, обезумевших от страха заложников, тела которых были покрыты кровью и экскрементами. В здание школы проникало все больше бойцов. Наконец россияне полностью взяли под контроль спортзал, но случилось это слишком поздно. Перед ними на полу спортзала лежали груды горящих трупов.

День. Столовая

Выжившие заложники сгрудились в углу столовой рядом с посудомоечной — человек двадцать пять на очень небольшом пространстве. Но пули еще свистели. Наконец внешнюю стену сотряс удар. Заложники увидели, что с окна в левом углу слетела решетка. Внутрь пробрались трое спецназовцев.

Это были ловкие и сильные ребята в шлемах и бронежилетах. Они стояли между ранеными и убитыми, а под ногами у них были осколки стекла, кровь, патронные гильзы. У одного из руки текла кровь. «Где эти ублюдки?» — прошептал один из них.

Дверь кладовой распахнулась. В ней стоял Ибрагим. Спецназовцы и террорист одновременно открыли огонь над головами заложников. Ибрагим исчез в кладовой и тут же появился опять с двумя ручными гранатами. Когда он бросал их, его уже прошивали пули.

Время точно замедлилось.

Лариса Кудзиева проследила за одной из гранат: гладкий овальный предмет из металла, размером с лимон, пролетел мимо нее и, отскакивая от кафельного пола, запрыгал к солдатам. Под Ларисой был сын, рядом — дочь. Женщина прижала к себе мальчика, стараясь загородить его ногой и рукой, второй рукой она заслонила лицо дочери.

Ручная граната — это небольшое взрывное устройство в металлической оболочке. Время от приведения в действие запала до детонации заряда составляет несколько секунд. В момент взрыва металлическая оболочка разрушается и превращается в осколки,

летящие со скоростью сотен метров в секунду. За ними следуют ударная и тепловая волны. Осколки могут убить человека, находящегося в радиусе пятнадцати метров. Столовая же имела не более шести метров в поперечнике.

Граната взорвалась.

После того как Ларису хлестнуло волной металла, ее точно обволокла тишина — то есть из внешнего мира никаких звуков до нее не доходило, зато в собственных ушах стоял сильный, точно хрустальный звон. «А умирать, оказывается, легко», — подумала она. Но она не умерла, во всяком случае, сразу — потому что медленно, как во сне, провела рукой по сыну, лежавшему под ней. Он был жив. «Мама, — сказал Заурбек. — Мамочка».

Осколками ей снесло правую часть лица и раздробило правую руку. Лариса не хотела, чтобы мальчик увидел, во что она превратилась, поэтому отвернулась и закрыла лицо левой рукой. Под пальцами она ощутила кровоточащую плоть и обломки кости, которые были такими острыми, что об них можно было уколоться. Лариса потеряла сознание.

К ней подползла дочь. У лежавшей рядом с Ларисой учительницы была оторвана нога. Один из бойцов спецназа погиб. Погибли дети, которых привела Мадина. Погибла одна из соседок Ларисы. Погибла еще одна учительница. На полу столовой было кровавое месиво.

Лариса казалась мертвой, но Мадина нащупала у нее пульс. Значит, мама жива. В столовую проникли

другие спецназовцы. Они велели тем, кто выжил, следовать за ними.

— Моя мама еще жива, — сказала Мадина.

— Мы о ней позаботимся.

Мадина взяла на руки младшего брата и передала его через окно какому-то мужчине. Он помог ей выбраться, и брат с сестрой побежали в сторону своего дома. Они были спасены.

В посудомоечной Ирина Налдикоева почувствовала, как тряхнуло стену, но осталась на месте, заслоняя детей, прижимая их к полу, не понимая толком, что произошло. В этой небольшой комнате было две двери, и через несколько минут в проеме одной из них, невысоко над полом, появилась голова мужчины в шлеме. Это был спецназовец, он передвигался ползком, лицо его лоснилось от пота. Ирина поняла: российские солдаты в здании. Поняли это и дети, прятавшиеся среди кастрюль. Двери шкафов распахнулись, дети высыпали наружу и побежали мимо солдата, ища выход наружу.

Ирина с Казбеком и Аланой пошла за ними — через дверь, мимо изуродованных тел, к окну. Она передала детей наружу, затем вылезла сама. Она была на воле, окруженная воздухом осени, под ногами была трава. Пошатываясь, Ирина пошла дальше и завернула за угол первого дома по улице Коминтерна. Она не понимала, куда делись ее дети. Она села на землю. Кто-то подошел к ней и увел ее.

Начало вечера. Одна из классных комнат

Стрельба нарастала и затихала, а Кира Гулдаева с внуком Георгием все еще прятались в классе. К стене были прислонены шесть автоматов Калашникова, на полу разбросана камуфляжная форма, стены испачканы кровью. Казалось, что террористы приходили сюда отдохнуть во время боя. Кира притянула Георгия поближе к себе. На мальчике были одни трусы. Бабушка ощупала его тело и нашла на спине, ягодицах и стопе мелкие осколочные ранения. Из каждого каплями сочилась кровь. Ее собственные раны были серьезнее, по ним можно было восстановить историю этого страшного дня: два пулевых ранения, в том числе сквозное ранение руки, осколочное ранение плеча, ожоги.

Она сидела на месте долго, боясь, что террористы могут вернуться, и гадая, когда придет помощь.

— Жди здесь, — велела она внуку, а сама подползла к двери.

На другом конце коридора стоял солдат. Они заметили друг друга. Он бросился к ней.

Когда он бежал через открытое пространство, раздались выстрелы. Пуля попала ему в висок. Он с трудом вошел в класс, бросил автомат, взялся обеими руками за шлем и упал. Он лежал без движения. Брошенный им автомат был направлен на Киру и Георгия. Она отпихнула ствол доской.

В класс вбежал еще один солдат, раненый. Он прислонился к стене. «Лягте на пол», — крикнул он

женщине и мальчику. В класс влетело что-то круглое. Взрыва Кира не слышала из-за контузии. Следующее, что она увидела, — солдат, бинтующий ногу и говорящий что-то в микрофон, который болтался у него на шее. В классе появились еще солдаты. Школа явно переходила под контроль российских войск.

Киру и Георгия положили на носилки и переправили наружу через окно. Санитары понесли ее бегом, но один из них споткнулся, и Киру уронили на землю.

— Где мальчик? — кричала она. — Где мой мальчик?

Вечер. Столовая

Лариса Кудзиева очнулась, не понимая, сколько времени она пролежала на полу. Все заложники вокруг нее были мертвы. Она попыталась двигаться, но на правую руку будто кто-то навалился.

У нее было сильно изуродовано лицо, и солдаты проходили мимо, принимая ее за убитую. Овладев зданием, они вели себя спокойней. Один остановился над Ларисой. Она видела его как в тумане. Левой рукой она попыталась вытереть с глаз кровь. Солдат посмотрел на нее с удивлением.

— Потерпи, девочка, — сказал он. — Сейчас принесут носилки.

У него был добрый голос. Лариса подумала: если он называет ее девочкой, когда она так выглядит, то она может и потерпеть. Она провалилась в сон.

Ночь. Больница во Владикавказе

Николай Албегов подошел к двери палаты и стал смотреть на жену своего сына. Ему было шестьдесят шесть, в прошлом водитель грузовика. От волнения он едва мог устоять на месте.

Худощавое тело его невестки Ирины Налдикоевой было распростерто на кровати. Голова и шея были забинтованы. Сознание затуманено анестезией. Трубка капельницы впивалась в руку.

Беслан и Владикавказ были охвачены чувством ужаса. Бесланский морг был уже переполнен, трупы укладывали прямо на траву. Во владикавказском морге тоже росли ряды тел, ждавших опознания. Бегство заложников и их спасение были так спонтанны и беспорядочны, что многие не знали, живы ли их дети и супруги. Родственники услышали, что в спортзале под обрушившейся крышей остались обугленные тела. Живые бродили над мертвыми, вглядываясь в неопознанные трупы, ища своих.

Семья Николая была избавлена от этой муки. Ирина прожила в его доме девять лет. Она подарила семье сына и дочь, выполняла почти всю домашнюю работу. В Беслане его дом был одним из самых традиционных. Ирине не полагалось первой обращаться к свекру. Она говорила с ним, только когда он ее о чем-нибудь спрашивал. Такие проявления родственных чувств, как объятия, были исключены.

Он стоял у двери — сухощавый старик, одетый в свой лучший костюм. Он еще толком не знал, что произошло в школе. Но он знал, что она вывела детей. По его темному лицу текли слезы. Он подошел к

кровати, нашел на ее лице место, где не было бинтов, и поцеловал.

4 сентября. Ночь. Больница во Владикавказе

Врач осматривал Ларису Кудзиеву. Ей сделали уже две операции, но она по-прежнему в коме. Осколки нанесли ей слишком много ран — перелитая кровь вытекала через них наружу. У нее упало давление. Она была на грани смерти. Больница была переполнена ранеными, и наконец Ларису признали мертвой. Санитарки обмыли ее и привязали бирку к пальцу ноги.

Однако Лариса Кудзиева не умерла, и через несколько часов другой врач обнаружил, что она жива. 4 сентября ее вновь положили на операционный стол. У нее не доставало большей части одной из глазниц, правая половина лица была сплошной раной, правая рука изорвана в клочья и сломана в трех местах, средний палец на ней — оторван, весь правый бок пострадал от ударной волны и осколков. К счастью, осколки не задели ни крупные артерии, ни правое легкое. Еще до рассвета ее состояние стабилизировалось.

Наконец она пришла в себя, хотя все еще было в тумане. Хирург задавал ей вопросы, чтобы определить состояние нервной системы.

— Когда у вас день рождения?

— Четырнадцатого.

— А месяц?

— Май.

— Забудь, — посоветовал врач. — Теперь твой день рождения — четвертого сентября.

Эпилог

Бесланская трагедия унесла больше жизней, чем любой из современных террористических актов, кроме уничтожения Центра международной торговли в Нью-Йорке. В результате действий террористов и хаотичной спасательной операции погибли 334 человека, не считая тридцати одного террориста, которые, согласно заявлению российских властей, были уничтожены. В числе погибших — 186 детей и десять бойцов российского спецназа, проявивших мужество и героизм, несмотря на некомпетентность власти в организации антитеррористической операции. 854 были ранены, в основном — дети.

Осада закончилась, но победителей в ней не было. Серьезно пошатнулась вера в то, что российские власти и их спецслужбы способны защитить своих граждан. Сочувствие сторонникам чеченской независимости тоже уменьшилось. Даже некоторые из чеченских боевиков, заявлявших о верности Шамилю Басаеву, стали сомневаться в обоснованности своей тактики, хотя подпольному правительству повстанцев не хватило политической дальновидности, чтобы отмежеваться от Басаева. В 2005 году оно назначило его своим вице-премьером. Сам факт, что он до своей недавней смерти занимал

этот пост, как бы ни были велики его партизанские заслуги, дискредитирует сепаратистов и покрывает их позором.

«Парламенты России и Северной Осетии начали расследования теракта, до сих пор не приведшие к убедительным результатам и вызвавшие со стороны бывших заложников и родственников погибших обвинения в сокрытии информации. Доверие общества подорвано явной ложью официальных заявлений; например, во время осады чиновники упорно утверждали, что захвачено всего 354 человека, а затем — что танки Т-72 стреляли по зданию только после того, как все выжившие заложники его покинули. И то и другое неправда. Остается неясным и вызывает ожесточенные споры, что же послужило причиной первых двух взрывов и пожара в спортзале, хотя здравый анализ имеющихся данных говорит о том, что разрушения и большинство человеческих потерь были вызваны бомбами террористов. Также непонятно, почему взорвалась шахидка. Разногласия вызывают и такие вопросы:

— оказывалась ли террористам помощь в самом Беслане, и если оказывалась, то какая?

— запасли ли террористы оружие в школе до теракта?

— сколько террористов было в школе, и правда ли, что некоторые из них сумели скрыться?

Треть убитых террористов публично не названы, официально их имена остаются неизвестными. Несомненно, Ибрагим был убит. Но многие бывшие заложники, в том числе Лариса Кудзиева и Казбек

Мисиков, изучив известные фотографии мертвых террористов, настаивают на том, что среди них нет Али (он же Байсангур) и нескольких других боевиков, которых заложники не видели в школе в последний день осады.»

Почти все из выживших заложников остались в Северной Осетии; многие продолжают лечиться, в том числе Лариса, которая на сегодняшний день перенесла шестнадцать хирургических операций. Аида Арчегова, искавшая своего сына Сослана и превращенная террористами в живой щит, была спасена и позже узнала, что Сослан сумел покинуть здание школы. Ей провели восстановительную операцию на лице; дефект челюсти был заполнен фрагментом ее собственной бедренной кости. Она больше ни разу не видела мальчика, который вместе с ней был живым щитом, и не знает, жив ли он. Сармат Боллоев выжил. Лора Каркузашвили, живым щитом стоявшая в окне столовой и раненная в грудь штурмующими бойцами, погибла. Алина, жена Аслана Кудзаева, выпрыгнувшего из окна кабинета литературы, была освобождена вместе со своей полуторагодовалой дочерью и другими кормящими матерями и их детьми. Останки ее матери Тины Дудиевой, заслонившей собой Дзеру (дочь Аслана и Алины, звонившую в колокольчик), были найдены в спортзале. Альберт Сидаков, решивший не прыгать вместе с Асланом, был убит, так же как и оба сына Руслана Бетрозова, человека, вставшего, чтобы перевести указания террористов. Фатима Цкаева, отправившая на свободу своего грудного ребенка, но сама оставшаяся с двумя старшими детьми, погибла вместе с дочерью Кристиной. Трехлетний сын Фатимы Махар был спасен. Карен Мдинарадзе,

переживший расстрел, в больнице был допрошен следователем, который подозревал, что он может быть террористом, притворившимся заложником. Но подозрения были сняты, и после этого с ним стали обращаться должным образом. Левый глаз спасти не удалось, и его пришлось заменить протезом, но даже вблизи он выглядит совсем как настоящий. Казбек Мисиков и его близкие в целом поправились, хотя руки Казбека так и не восстановили полностью свои функции, и поэтому ему дали инвалидность. 22 января 2006 года его жена Ирина родила третьего сына, Эльбруса. Как и его отец, он назван в честь горной вершины, возвышающейся над всем Кавказом.

Автор: Кристофер Чиверс

Оригинал: *The School*. *Esquire. June 2006 issue.*

Перевод: Артем Осокин, с дополнениями Мики Голубовского

Текст опубликован с разрешения автора.

Как был написан этот текст

Рассказывает автор — Кристофер Чиверс, корреспондент *New York Times* в Москве.

«Я был офицером морской пехоты, воевал во время первой войны в Персидском заливе, потом, уже в качестве журналиста, делал репортажи об атаке на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке, был в Афганистане, Израиле, Ираке. В бывшем СССР я начал работать в 2001 году, а в 2004-м переехал с семьей в Москву. Еще до того, как боевики

Шамиля Басаева захватили бесланскую школу № 1, я три раза ездил в Чечню. Писал о нападении боевиков на Назрань, взрыве двух пассажирских самолетов в августе 2004-го. Я как раз вернулся из Чечни 30 августа, с выборов президента, а уже на следующее утро — обратно на Кавказ, в Беслан. Первое впечатление — никто не понимает, что происходит, всеобщее горе. Ничего печальнее я в жизни не видел, и очень надеюсь, что не увижу.

Как и многие люди, которые были в Беслане, впоследствии я очень много думал о том, что произошло. Меня, как и бесланцев, приводили в бешенство бесконечные противоречащие друг другу заявления, отсутствие информации о многих важных эпизодах захвата заложников и действиях российских властей. К середине 2005 года, когда я решил написать большую статью о Беслане, цель была проста и очевидна. Вместо того чтобы ввязываться в споры о разных теориях и версиях случившегося, я решил понять, что чувствовали заложники во время захвата. Я надеялся, что статья поможет прояснить картину и оценить разные версии. Но я не имел в виду, что она подтвердит какую-то — при сегодняшнем объеме знаний о теракте в Беслане это просто невозможно.

К середине 2005 года я уже три-четыре раза побывал в Беслане, несколько раз встречался с чеченскими сепаратистами за границей, читал стенограммы суда над Нурпаши Кулаевым. И конечно, общался со многими заложниками, которым удалось спастись. По мере этого общения, по мере того как я составлял план школы, я получил представление об основных путях спасения заложников и основные причины их гибели. Это помогло мне составить общую структуру

статьи. Я понял, что мне нужно выбрать персонажей, на примере которых можно показать эти пути: тех, кому удалось спастись во время захвата, тех, кого террористы казнили в первый день, тех, кого вывел Аушев, и наконец тех, кто смог вырваться из школы 3 сентября через главный вход, через окна спортзала и тренажерного зала, тех, кто пережил все ужасы, которые творились в столовой.

Я встречался с огромным количеством людей, их было гораздо больше, чем в итоге попало в статью, но из-за того, что мы были ограничены в объеме, мне пришлось выбрать характерного персонажа для каждого из этих путей. Естественно, со всеми я встречался лично. Но я говорю по-русски не так хорошо, чтобы смог сам провести здесь качественное журналистское расследование, и потому я все время работал в паре с Виктором Клименко — переводчиком и журналистом из московского бюро *New York Times*. Как и я, Виктор был в Беслане 1-3 сентября и много раз возвращался туда впоследствии. К тому же у него есть огромный опыт работы в Чечне. Его помощь была просто неоценима.

Почти все пострадавшие были готовы с нами общаться. С многими из них мы по-настоящему подружились. Я очень признателен им за то, что они потратили ради нас и читателей столько своего времени и душевных сил. Ведь с некоторыми из них мы встречались много дней подряд. Мы старались отвести их всех в школу, чтобы они на месте подтвердили свои воспоминания. Одни смогли это сделать, другие были не в состоянии. Весной, когда я писал черновой вариант статьи, мы обзвонили всех героев — всех до одного — и еще раз

тщательно проверили каждую деталь. Это было очень серьезное предприятие, на многие месяцы занявшее все наши свободные вечера, выходные и большую часть отпуска.

Мы с Виктором побывали на нескольких судебных заседаниях по делу Кулаева, прочли многие стенограммы из зала суда. Конечно, нам это помогло, но только до определенной степени. Многие показания противоречат друг другу, но ни адвокат Кулаева, ни судья не подвергали их сомнению, не сопоставляли с огромным массивом других доказательств. Часто допрос свидетелей явно не был доведен до конца. В стенограммах огромное количество слухов и явных спекуляций — в своих показаниях люди часто говорили о том, что слышали от других. Поэтому вместо того, чтобы довериться судебным показаниям, мы интервьюировали людей сами, а потом сверяли их показания с показаниями других, с видео- и фотоматериалами, медицинскими данными и нашими собственными воспоминаниями. На российскую и зарубежную прессу мы тоже почти не полагались и ни разу не использовали чужие материалы, за исключением видео- и фотосъемки, которую мы собрали, а также видеозаписей, которые заложники передали телекомпании *CBS*. Пустив их в эфир, *CBS* сделала большое дело. Но что касается статей — мы не цитировали ни одной.

Очень жаль, что под статью выделили так мало места. Конечно, в американском *Esquire* вышел материал объемом в 18 000 слов, и нью-йоркские редакторы говорят, что это самая большая статья в журнале за последние 20 лет. Но изначально я принес им 22 000 слов, и легко мог бы написать 40 000. Но

таковы журнальные реалии. Нам и так повезло, что редакторы *Esquire* были настолько убеждены, что статья про Беслан нужна читателям.

Я не рассчитываю на то, что моя статья вызовет какой-то определенный резонанс в России. Моя работа — писать, а не делать какие-то прогнозы на этот счет. Но все-таки есть одна вещь, на которую я очень надеюсь. Статью уже довольно широко обсуждали в российской прессе, но часто появлялись отзывы тех, кто ее даже не читал. А теперь у людей появится возможность прочитать ее по-русски. Это правильно. Жертвы бесланской трагедии заслуживают того, чтобы их историю узнали. Беслан не должен быть забыт».

Записал Мика Голубовский